

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
А. В. Болдырев (Курск)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Максим Долгов
и. о. начальника отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Михаил Косарев
начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов
редактор отдела общественно-политической жизни

Верстка: О. Н. Вялкова
Корректурa: М. Н. Долгов

1922—2017

Уважаемые читатели «Сибирских огней»!

Старейший в стране литературно-художественный журнал отмечает свой 95-летний юбилей. Событие это является важным не только для самого журнала, но и для всей Новосибирской области, которая празднует в наступившем году свое 80-летие.

«Сибирские огни» стали неотъемлемой частью нашей общей истории — непростой, порою противоречивой, но величественной в своих свершениях.

Сейчас, по прошествии времени, становится очевидным, что сам факт создания журнала в 1922 году в Новониколаевске, только что пережившем трагедию Гражданской войны и насчитывавшем всего-то 60 тысяч жителей, был фактом необычайной смелости. Еще царил кругом разруха, голод, тиф, а из типографии уже вышел первый номер «Сибирских огней»! Это было событием для всей Сибири. Через пять лет после выхода первого номера А. М. Горький напишет: «...это дает мне право думать, что отличная работа “Огней” разожжет духовную жизнь Сибири».

Слова великого писателя оказались пророческими. Многие авторы, чьи имена составили гордость отечественной литературы, начинали публиковаться в «Сибирских огнях». Их знают все ценители русской словесности — это Анатолий Иванов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Василий Шукшин... А еще — целая плеяда талантливых поэтов, публицистов, критиков... Список этот можно продолжать и продолжать: «Сибирские огни» всегда горели ярко, даря своим читателям радость встречи с вдохновением, творческим азартом, мудростью и великим русским словом.

Я от всей души желаю нынешнему составу редакции оберегать славные традиции журнала, сохранять гуманистические принципы нашей литературы и всегда оставаться преданными «огнелюбам».

В. Ф. Городецкий,

губернатор Новосибирской области

Дорогие друзья!

Журнал «Сибирские огни» имеет славную и богатую историю, на его страницах за девяносто пять лет было опубликовано много произведений самых разных жанров, которые вошли в летопись российской литературы. На сегодняшний день журнал является старейшим в стране.

Конечно, это накладывает особую ответственность, потому что хорошо известно, что добрые традиции лишь тогда сохраняются и живут, когда они имеют продолжение в современности, когда они творчески развиваются.

Безусловно, нынешние условия разительно отличаются от прежних, но это не отменяет главного — неукоснительного следования высоким идеалам нашей литературы, заложенным отцами-основателями журнала «Сибирские огни». Эти идеалы сохраняются и сегодня, хотя жизнь и вносит свои коррективы: теперь журнал выходит не только в традиционном бумажном виде, но и в электронном варианте, страницы «Сибирских огней» есть во всех социальных сетях, также в Интернете представлен архив, начиная с первого номера по 1960-е годы... Особо хочу сказать о том, что сотрудники редакции и авторы журнала регулярно встречаются со своими читателями, побывали во всех районах Новосибирской области, ведут активную пропаганду сибирской литературы.

Все это, вместе взятое, позволяет надеяться, что впереди у журнала «Сибирские огни» еще много творческих удач, свершений, открытий новых имен и новых славных дел.

От всей души желаю успехов!

И. Н. Решетников,
министр культуры Новосибирской области

ибирские огни» — это «Сибирские огни». У журнала есть и будет свое лицо, но думаю, что нужно и оправдывать название: публиковать матери-

алы, тематически и географически связанные с Сибирью. Мы стараемся, чтобы журнал стал точкой притяжения не только для пишущих людей, но и для творческой интеллигенции вообще: для художников, музыкантов, театральных деятелей, архитекторов... Было бы замечательно, если бы «Сибирские огни» стали местом встречи разных искусств в масштабе всей Сибири. А это возможно только при участии пишущих и читающих. Нужно, чтобы этот союз был крепким, надежным и плодотворным. Мы хотим рассказать о журнале молодому поколению, пригласить его к сотрудничеству. На сегодняшний день очень важно вернуть «Сибирские огни» в информационное пространство общественной жизни. Ведь журнал является таким же достоянием Новосибирска, как оперный театр и железнодорожный вокзал. Журнал — это наша общая история, и ее нужно всемерно беречь.

Михаил Шукин,
главный редактор журнала
«Сибирские
огни»

Владимир ЗАЗУБРИН

ПЕРВЫЙ КРИК НОВОРОЖДЕННОГО

Тысяча девятьсот двадцать седьмой год щедр на юбилеи. Маленький юбилей он подарил и нам. Надо сознаться — мы прожили эти годы без предварительно составленного «плана пятилетки». Однако мы можем похвастаться, что баланс у нас активный. Конечно, бухгалтерия Сибкрайиздата скажет, что мы в течение этих пяти лет съели некоторую сумму денег и не дали ни копейки прибыли. Но кто в наше время безоговорочно верит бухгалтерии и кто и когда расценивал литературу на вес золота?

Пять лет прошло с тех пор, как присутствовали т-щи: Басов, Березовский, Правдухин и секретарь Сейфуллина (на заседании редакционной коллегии Сибирского Государственного издательства 9 декабря 1921 года).

Они:

Слушали

1. О смете и схеме производственного плана на 1922 год.

Постановили

1. Смету в расчетной части утвердить, вопрос об издании общесибирского журнала выделить, поручив тов. Правдухину разработать программу журнала к следующему заседанию...

В этом протоколе не хватает Д. К. Чудинова, одного из инициаторов создания журнала.

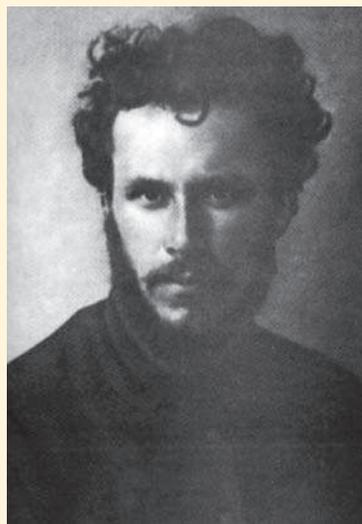
Программа была разработана и принята коллегией.

Старые сибирские писатели и молодые начинающие стали получать письма от правления Сибгосиздата. В письмах каждому предлагалось дать одно из своих произведений в новый общесибирский «литературно-художественный и научно-публицистический журнал — «Сибирские огни», письма были подписаны секретарем редколлегии Сибгосиздата Л. Сейфуллиной.

В первую редколлегию вошли пять человек — Басов, Березовский, Правдухин, Тумаркин и Емельян Ярославский. Сейфуллина стала секретарем в квадрате. Шестерка начала свою работу в январе 1922 года. Первый номер журнала вышел в марте.

Редакция сразу же захотела опереться в своей работе на общественное мнение. Она отлично знала, что издание литературно-художественного журнала в сибирских условиях — дело нелегкое.

Редакторы с нетерпением ждали первых отзывов читателей.

Владимир Яковлевич Зазубрин
(1895–1937)

Емельян Михайлович Ярославский
(1878–1943)

Редакция журнала «Сибирские огни», 1922 г.

Слева направо: М. Басов, Ф. Березовский, Е. Ярославский, В. Правдухин, Л. Сейфуллина, Д. Тумаркин

Сейфуллина замаскировала это нетерпенье в дурашливо написанном приглашении:

СИБАМ ОТ ЛИТЕРАТУРЫ

Принимая во внимание, что все, с должным благоговением поименованные в заголовке лица, и Вы в том числе, безусловно не уступят Белинскому, Луначарскому, Когану в знании литературы и суждений о ней, Сибирское Государственное издательство просит Вас пожаловать на одну жестяную кружку без сахара, но с собеседованием о литературном отделе номера первого журнала «Сибирские огни», присовокупляя к сему радушному приглашению разрешение захватить бутерброд или что другое съедобное исключительно для себя, гарантируя в данном случае охрану частной собственности на территории управления Сибгосиздата. Все посягательства других заинтересованных лиц на Ваше Вами принесенное съедобное будут пресекаться в корне со всей строгостью революционных законов. Для охраны мобилизованы бурный темперамент тов. Сейфуллиной и внушительное воздействие басистого тов. Басова.

За все вышепоименованные блага приглашаемые обязуются к субботе 25 марта, к 6 часам вечера, прочитать весь литературный отдел номера первого журнала «Сибирские огни» (не возбраняется и остальные отделы, за это Сибгосиздат карать не будет) и возыметь свое собственное мнение о нем. Критика и доказательства допускаются во всем их многообразии, за исключением убеждения действием.

На оригинале рукой Басова сделана сердитая приписка: «Не читавших и не имеющих собственного мнения просим не являться».

Приглашение подписано Басовым, Правдухиным и Сейфуллиной.

Обмен мнений был горяч, как края жестяных кружек, из которых спорящие пили чай без сахара. Соседи Сейфуллиной («обмен» происходил на ее квартире) были очень недовольны.

В редакции «Сибирских огней».

Слева направо: Д. Тумаркин, В. Итин, М. Басов, В. Вегман, В. Зазубрин. 1923 г.

Сибирские писатели с Борисом Пильняком. Слева направо: Г. Вяткин, Г. Пушкарев, Е. Пермитин, Б. Пильняк, В. Зазубрин, В. Ромов, В. Итин, неизвестная, К. Урманов. 1924 или 1925 г.

Валериан Павлович Правдухин (1892–1938) – прозаик, драматург, литературный критик, участник литературной группы «Перевал». С 1921 по 1923 г. жил в Новониколаевске. Один из основателей журнала «Сибирские огни».

Лидия Сейфуллина
и Валериан Правдухин

На сортировке литпушнины первое время стоял за главным Валериан Правдухин — человек с большим лбом, большим носом и в очках. Рубаха у него, конечно, русская, без пояса, и сапоги нечищенные. Толк в вещах он знал и дело свое любил больше жены (жена у Правдухина писательница и часто от его критики плакала).

Плохой рассказ он щупал со всех сторон, как беличью шкурку. Автора увещевал долго и шумно, потом спокойно рассказывал ему историю русской литературы.

От нескольких хороших рассказов или поэм его сердце билось и кипело, как чайник на сухих щепках. И изо рта его, малого и худого, вырывались горячие блестящие ниточки.

Авторам писал он всегда длинно и ласково по-отечески.

Пишет он критические статьи, рассказы, стихи. Но интереснее Правдухин на охоте, на берегу весеннего кричающего, гогочущего озера или в тихом золотом березнике в прозрачный день, когда тетерева в ягдташе долго не стынут.

Михаил Михайлович Басов (1898–1937) – публицист, издатель. С 1921 г. жил в Новониколаевске, с 1922 г. – председатель правления Сибгосиздата. Один из инициаторов создания «Сибирских огней» и Сибирской советской энциклопедии (1926), главным редактором которой он был с 1926 по 1929 г.

Басов носил большую рыжую бороду и такие же усищи, когда ему было двадцать три года. Через год бороду он сбрил, но у него остался густой бас и толстые усы. Это было в двадцать первом году, когда он сидел председателем в редколлегии Сибгосиздата. Никто тогда не заметил, что он очень молод.

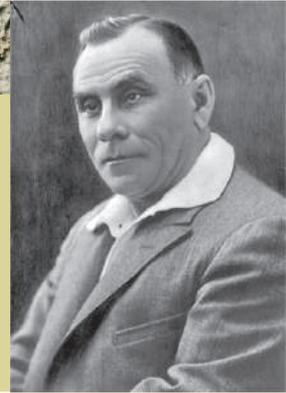
Басов написал маленький рассказ «Эвакуация». Рассказ злой и жгущий, как неожиданно вспыхнувшая в кармане спичечная коробка, полная спичек. Труд писателя ему показался слишком тягостным для его двадцати трех лет, и он перестал писать, он стал только подписывать и резать написанное другими. Басов стал редактором, издателем и книготорговцем.

Сибирские беллетристы и поэты часто его имя произносят с руганью — скуп. Басов выдумал режим экономии еще задолго до того, как он был декретирован Совнаркомом. Теперь Басов коротко подрезал усы. Ему не надо уже быть солиднее своего возраста. Басов румян, спокоен — он знает, что эти пять лет шел хорошо, что он на своей дороге.

Переписки с авторами Басов предусмотрительно избегает.

Феоктист Алексеевич Березовский (1877–1952) – прозаик, очеркист. С 1918 г. работал в большевистском подполье в Сибири. С завершением Гражданской войны работал на ответственных постах в разных сибирских городах: редактировал газету «Красноярский рабочий», позже – «Советскую Сибирь». Стоял у истоков создания журнала «Сибирские огни». В 1924 г. переехал в Москву.

Феоктист Березовский

У Феоктиста Березовского крепкие волосатые руки с короткими тупыми пальцами, карие самоуверенные глаза и черные седеющие усы, старательно поднятые над губами.

Березовский знает старую Сибирь и умеет ее показать. Березовский мог бы быть хорошим бытописателем кондовой, дедовской Сибири. Но Березовский не хочет писать «рассказов бабушки». Он слишком хорошо знает, какие книги нужны сейчас.

Березовский все свои силы отдает современности. Бросил службу, упорно пишет. Даже сбрил усы, но это ему не помогло — молодым он не стал. Жаль — хорошие усы погубил Березовский.

В редколлегии он делал авторам замечания по части краеведения и текущей политики.

Лидия Николаевна Сейфуллина (1889–1954) – писательница. С 1921 г. вместе с мужем Валерианом Правдухиным жила в Новониколаевске, работала секретарем Сибгосиздата.

Лидия Николаевна Сейфуллина, женщина несдержанная по части всяких слов, занимала три должности — секретаря редколлегии Сибгосиздата, секретаря редколлегии журнала и еще была у нее должность на всех литературных заседаниях и собраниях. Должность эта заключалась в том, что Лидия Николаевна защищала литературу и начинающих писателей. Если же с ней не соглашались, то она весьма красноречиво стучала пальцем себе по лбу, потом по столу и говорила несогласающемуся:

— Вот вы кто, товарищ!

<...>

Лидия Николаевна Сейфуллина — женщина с наружностью одного из степных южных нацменьшинств. В первое время в Сибири она боялась простудиться, поэтому в литературу вошла в теплом сибирском малахае, туго надетом на оренбургский платок. Но краеведы этого не заметили.

Но писательница быстро акклиматизировалась и стала ходить исключительно в сибирских мехах. Хотя мы подозреваем, что с оренбургским платком писательница все же не расставалась. Успех у нее был шумный. Выехала из Сибири она по собственному желанию. Своими выступлениями способствовала прославлению своей «литературной» родины.

Вивиан Итин

Вивиан Азарьевич Итин (1894–1938) – крупнейший сибирский прозаик и поэт, очеркист и литературный критик, публицист, путешественник, один из основателей журнала «Сибирские огни» и его главный редактор в 1928–1929, 1933–1934 гг.

К моменту выхода второго номера в редакции стал работать Вивиан Азарьевич Итин. Сейфуллина прозвала его «спящим царевичем». Но это не совсем верно.

Итин часто смотрит на вас, но не видит, слушает вас, но не слышит. Итин всегда сам в себе. Но у него хороший слух и большие глаза. Итин слушает и смотрит только то, что хочет и когда хочет.

Итин спокойно независим. Он знает, как делаются рассказы и стихи, он учит этому искусству молодых поэтов. Он сам умеет крепко сделать повесть, поэму.

Итин читает американские журналы и чисто, аккуратно бреется. Он иногда кажется джентльменом, смотрящим на мир несколько свысока. Он свои повести стрижет тщательно, как голову, и скоблит бритвой, как щеки. Его работы хорошо отполированы. Они всегда холодят руки.

Вениамин Давыдович Вегман (1873–1936) – историк, архивист, литератор. С 1920 г. работал в Новониколаевске начальником Сибархива, был чрезвычайным уполномоченным по организации Сибирского советского государственного театра оперы и драмы (Сибгосоперы). Один из создателей журнала «Сибирские огни». С 1923 г. заведующий сибирским отделом Главлита.

В 1923 году в редколлегию был введен Вениамин Давыдович Вегман. С его появлением началась у нас в журнале «историческая полоса». В. Д. во вред своим прямым обязанностям (заведование Истпартом), во вред ему (Истпарту) тащил в журнал из него и из Сибархива все, что находил ценным. Сибистпарт и Сибархив явно страдали, а центральные печатные истпартовские органы, вместо того чтобы бить тревогу, стали хвалить наш журнал, объявили его одним из лучших своих изданий.

Михаил Басов, Кондратий Урманов, Вениамин Вегман, Петр Комаров. Бердск, 1920-е гг.

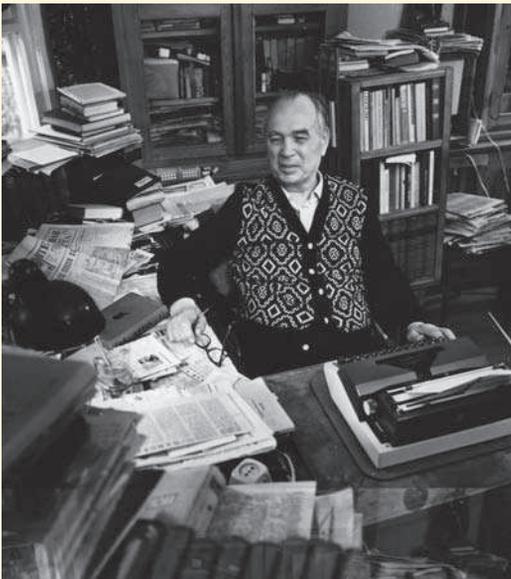
В. Д. был доволен, но читатели не очень.

Вегман долго жил в Вене. От этого ему легче сидеть в театре, чем в архиве или в редакции. От этого он охотнее пишет рецензии об операх, чем о книгах.

Вегман человек одаренный. Он пишет свои воспоминания как художник. Но он необычайно молод, несмотря на свои пятьдесят три года. Молодость, конечно, не вина, а беда. Она не дает возможности Вениамину Давидовичу спокойно посидеть за столом и написать то, что он может и что он должен написать.

Пока что Вениамин Давидович бегает, ругается, присутствует и фотографируется.

В редакции «Сибирских огней» В. Д. всегда неожиданный, быстрый и ворчливый гость. Он редко говорит спокойно, он ругается. Но он не может говорить громко. Поэтому можно работать в то время, когда он ругается.

Афанасий Коптелов

Афанасий Лазаревич Коптелов (1903–1990) – сибирский прозаик. В «Сибирских огнях» печатался с 1925 г. Лауреат Государственной премии СССР (1979).

Коптелов — такой же крестьянин... склонен... идеализировать город. Коптелову деревня намяла шею. Деревня для него — бычье ярмо. Если бы смог человеческим языком заговорить яремный бык, он заговорил бы, вероятно, с коптеловским упорством о пользе машин, о светлой и освобождающей роли фабрик и заводов.

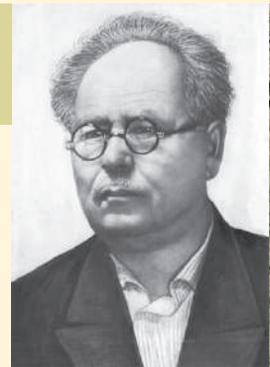
Коптелов умеет ненавидеть. Темную, суеверную, сытую и косную деревню писатель не щадит. Но творчество его не мрачно. Коптеловское отрицание свежо, убеждающе и светло, как его глаза и лоб. Коптелов не только отрицает, но и обладает редкой способностью утверждения.

Технически писатель слаб. Но ведь он молод.

Кондратий Никифорович Урманов (1894–1976) – прозаик, публицист. В «Сибирских огнях» печатался с 1922 г.

Кондратий Урманов — человек грузный, большой. Но у него маленькие голубые глаза и тихий, глуховатый голос. Родился он и долго жил в деревне. Ближе и роднее ему крестьяне. Он вполне мастер, когда говорит о мужиках, о бабах из хлебных сибирских сел, о киргизах из степи. Тогда его голос звонок и убедителен.

С людьми из города Урманову труднее. В борьбе с ними он грузнеет, и голос его глохнет...

Кондратий Урманов

Глеб Пушкарев

Глеб Михайлович Пушкарев (1889–1961) – прозаик. С 1924 г. заведующий издательским отделом Сибкрайиздата в Новониколаевске. Принимал активное участие в становлении журнала «Сибирские огни», в организации Сибирского союза писателей, много лет руководил Новосибирской писательской организацией.

У Глеба Пушкарева большой хороший лоб и дергающееся усталое лицо (последствия отравления газами в мировую войну).

Оттого, что лоб у Пушкарева спокоен, а глаза и лицо мнутся, образ его двойится. Кажется, что лоб светлой тяжестью своей должен затормозить беспокойную беготню этого человека, посадить его за стол с пачкой чистой бумаги. Бумага эта должна покрыться торопливыми колечками букв, слов, строк.

Но Пушкарев — «министр», у него семья, долг. Он бегаёт, а бумага лежит чистая.

Иван Евдокимович Ерошин (1894–1965) – поэт. Из крестьян. Во время Гражданской войны в Сибири работал в политотделе 5-й армии. После окончания войны остался в Сибири.

Иван Ерошин

Только один человек во всем Сибирском союзе писателей освободил себя от забот о завтрашнем дне.

В редакцию он обычно вбегаёт, стучает о стол шапкой, валится на стул и кричит вам, не обращая внимания на то, заняты вы или нет:

— Ну, слушай, и книгу я нашёл! Вот язык!

Резко щёлкает пальцами и подпрыгивает:

— Слово звенит!

Хватает со стола шапку и снова бьёт её о стол. Ваши бумаги вспархивают, как стая испуганных голубей.

— Слушай, ты обязательно прочитай!

Можно заранее поручиться, что автором книги окажется или перс, или индус, или китаец.

Этот человек влюблен в слово, как пахарь в зерно. Он ласковой рукой собирает зерна-слова, для того чтобы щедро и густо бросить в глубокие и по-земляному теплые бороздки своих стихов.

Летом живёт на Алтае. Проживает семь рублей в месяц. Каждую осень бывает в Москве. Зимует в маленьких сибирских городишках около газет. Все имущество его — несколько книг и смена белья. Но он богаче всех нас, единственный в Сибири свободный зодчий.

Столичные журналы печатают его регулярно. Сибирь он любит больше России, хотя сам из «расейских», земляк Сергея Есенина. Он курносоват, голубоглаз, ростом невелик, но большелоб. Фамилия его — Ерошин.

Сибирские огни, 1927, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Четыре главы. Повесть в отрывках
фуллина
Нева — Сена. Стихи. Лидия Лесна
Ходит вечер... Стихи. В. Берников
В киргизской степи. Стихи. А. Писо
Толпа. Рассказ. Г. Пушкарев
Кто смерть видал... Стихи. В. Итин
К тебе одной любовь моя... Стихи.
шин
Опять зовут стада деревни... Стихи.
шин
Русь перевалочная. Речивый гутор
Соколов
Варвара. Рассказ. Ф. Березовский
Урман. Стихи. Гран.
Митинг. Живая картина в стихах.
матов

БЫЛОЕ

Сихота-Алин. Воспоминания. А. Ш.
Военно-социалистический союз. В.
На волю! Ем. Ярославский
Из документов партизанского движе

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ

Куда мы идем. И. Ходоровский
Контр...

Открытое письмо

поэту Жлыкову.

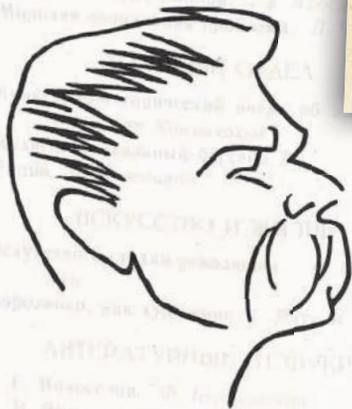
В конце двадцать второго года Вами было передано нам стихотворение «Русь», ранее печатавшаяся в столичном журнале.

Этот факт редакцией отмечен в четвертой за 1922 г. книге «Сиб. Огни» и стихотворение не было напечатано.

В конце лета 1923 года Вы передали редакции «Сиб. Огней» стихотворение «Юность—питье солодовое», напечатанное в журналах «Красная Нива» от 10 июня № 23 и «Огонек» от 22 июля № 17.

Не желая вновь быть обманутыми и не имея намерения обманывать своих читателей, мы прекращаем с Вами всякие сношения, совершенно отказываясь в дальнейшем печатать Ваши стихи.

Редакция.

23 февраля 1928, Сорренто

... Из „Искры“ разгорелись-как Вы знаете,- довольно яркие костры во всем нашем мире,- это дает мне право думать, что отличная культурная работа „Огней“ разожжет духовную жизнь грандиозной Сибири.

А. Тамм

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СИЛЫ

на 1 го
к. (с пере
руб. 20
в разн
ичн. прод
имется
: в конт
пр., 25,
КРАЙИЗ
анске, Кр
и, Минус
Таре, То
егловске

СИБИРСКИЕ ОГНИ

ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

КНИГА
ЧЕТВЕРТАЯ.
1923.

ПЕРЕПИСКА С НАЧИНАЮЩИМИ

В наши дни пишет студент и рабочий, лесоруб и техник, и каждому, выражаясь словами одного из них, «хочется писать так, чтобы стихотворение было напечатано». Убедительное, здоровое желание, но... авторам зачастую не хватает прежде всего технической грамотности и — главное — общественно-политического развития. Отсюда неактуальность тематики, иногда при достаточной технике, неумение разобраться во всей сложности противоречий действительности. Большинство, пытаясь овладеть современной тематикой, начинает малевать красной краской все и вся, механически втискивая в свои стихотворения слова: пятилетка, социализм, энтузиазм, борьба, кровь и т. д. Один из начинающих изображает рабочего, борющегося с буржуазией:

«Он напирал на наглого буржуя,
Махая в воздухе мозолистой рукой».

Подобное творчество только опешляет хорошие идеи, а не помогает пролетариату.

Вот еще более убедительный пример:

«Тихо и плавно качаясь,
Я Ленина книжку читал».

Некоторые из этих «поэтов» с болезненной ревностью защищают плоды своего труда от необходимой, здоровой критики.

Если удастся напечатать десяток строк и получить гроши авторского гонорара — в сторону летит иногда работа на производстве, ставится крест на учебное заведение. Он — герой! Его печатают! Он ходит, гордо вздернув голову, отращивает поэтическую шевелюру. Более самоуверенные мчат прямо в Москву и там обитают пороги многочисленных редакций и

«Дома Герцена». Это торжество, разумеется, непродолжительно.

Дальше упадок, пьянка, жалобы своим почитателям:

— Друг, меня не печатают! Понимаешь, — меня!..

* * *

Юноша неизвестного нам происхождения пишет в стихотворении «Не то»:

«Я рос взлелеянный мечтой,
О счастья жизни золотой».

Юноша не может найти в жизни счастья, ибо истинное счастье испытывает тот, кто вместе с пролетариатом борется с остатками капитализма за переделку хозяйства, быта и культуры. Но это «не то». Измученный поисками счастья в тяжелой для него действительности, поэт, тяжело вздохнув, жалуется:

«Я молод, но устал я,
От жизни тяжелой».

Революция смела плесень мещанского счастья, а счастье борьбы — «безумство храбрых» — чуждо мещанину. Впереди одна перспектива — духовное и физическое вымирание, впереди гибель. Будущее принадлежит тому, кто создает его, и поэт, «чуя смертный час», истерически восклицает:

«Бей, бей же, молот,
Добивай счастье жизни моей!»

Мещанин не может быть непосредственным участником борьбы, он слаб, он слишком сентиментален. Ему больше улыбается примиренчество — проповедовать среди людей идею всеобщего братства. Он несет свою проповедь, чтобы примирить врагов:

«Я ушел
С священной проповедью к людям,
Как сделать счастье на земле.
Я руку звал подать
Мучителям своим».

А так как теперь разоблачены все проповедники от Макдональда до папы Римского включительно, то и нашего проповедника:

«Холодно отстранили,
Сказав:
— Чтоб сделать счастье для народа
Не нужно утопического сброда.
А нужны ружья и штыки.
И я ушел...»

Нетрудно теперь начертать его дальнейший путь. Впрочем, останемся любезными до конца и дадим слово самому автору:

«А нам, упадочным,
Не стоит жить.
Стройте же, новые люди,
Новую страну!»

Комментарии излишни. Лицо секанта-мещанина добросовестно нарисовано им самим.

* * *

На вопрос: «Почему вы пишете?» — Максим Горький ответил:

— Потому, что не могу не писать.

Создавать художественные образы — органическая потребность истинного художника.

Многие начинающие смотрят на дело гораздо проще. Проба пера у них вызывается необходимостью заработать.

«Пишу потому, что нужен кусок хлеба», — пишет один из них.

Другой, присылая в редакцию, как он сам определил, «четыре наброска, написанных в рифму», лаконично заключает: «Гонорар и №№ журналов, в которых они будут напечатаны, вышлите по адресу (следует адрес). Ставки литературного гонорара, надеюсь, определите не ниже указанных в декрете Совнаркома, опублико-

«Вечером в редакции журнала "Сибирские огни"». Дружеский шарж художника Вениамина Ромова. 1922 г.

ванном в «Известиях ЦИК» от 24 ноября 1928 года».

Не менее эксцентрично пишет другой начинающий поэт. Прочитав «Положение об авторском праве» в книге Г. Шенгелли, он, вместе со своими произведениями, присылает в редакцию письмо следующего содержания: «Если рукописи будут пригодны для напечатания, то: 1. Редакция может вносить нужные исправления, не меняя смысла. 2. Все стихи предназначены для журнала «Сиб. Огни», а проза для отдельного издания. 3. Произведение «Выручил» должно выйти в 5 тысячах экземпляров. 4. Гонорар за произведение «Выручил» 50 рублей (пятьдесят рублей). 5. Срок выплаты гонорара от 20 февраля до 20 апреля. 6. Гонорар за стихи: «Завет» — 3 р. «Деревня» — 6 р. «В лесах Сибири» — 4 р. «Юность» — 5 р. «Муха Одна» — 7 р. «День» — 7 р. За басни: «Друзья» — 4 р. «Щука и ерш» — 7 р. Срок выплаты гонорара тот же».

И затем, чувствуя, что творит неладное, автор смущенно добавляет: «Не хотелось делать это, но инстинкт (!) профессора Г. Шенгелли поставил это обязательным правилом».

* * *

Вот большая редакционная переписка с одним начинающим поэтом, творчество которого находится всецело под влиянием Есенина.

В целом ряде писем из редакции «Сиб. огней», вместе с указаниями — где и как учиться писательскому делу, отмечался этот его громадный порок. В доказательство приводилось много сравнений. («Льется дней моих розовый купол». — Есенин. «Ткется дней наших шолкова (!) ниточка» — подражает ему наш поэт.) В ответ корреспондент разразился большим посланием, где, не скрывая своей привязанности к стихам Есенина, старается доказать, что Есенин безвредное существо, что его можно читать и перечитывать, что влияния стихи Есенина на него не оказывают.

«У Есенина «льется», а у меня «ткется» — «где же тут подражание?!» «Я люблю лирику и стоять на лесах социалистической стройки еще не значит глубоко чувствовать стройку социализма», — до конца обнажает себя наш корреспондент и продолжает: «Я знаю, что вы мне предлагаете, но какая скорбь! У меня нет почему-то этих чувств, а есть чувства личные, мои, которые, по-вашему, никому не нужны. Воспевать производство — обязанность рабкора, а не поэта». По существу указаний редакции он пишет: «Сделать перемену в творчестве не могу. Мои стихи — картинки природы. Знаю, что Есенин воспевал уходящую деревню, а я стараюсь воспевать восходящую».

Прекрасная идея. Но что автор делает для ее осуществления? Вот его стихотворение «Бабушке». В самом замысле уже чувствуется есенинское «Письмо к матери». Наш поэт — тоже приходит в деревню. Мы вправе требовать от него большой плодотворной революционной работы. Напрасные ожидания:

«Я стремился в деревню от скуки
Посмотреть, старушка, тебя...»

Десятки тысяч лучших рабочих стремятся в деревню, чтобы помочь бедноте и батрачеству переделать миллионы мелких раздробленных хозяйств в крупные социалистические хозяйства, а наш автор, работая на копиях, где организуются ударные бригады по выполнению производственных планов, впал в нитье и убежал в деревню, чтобы «посмотреть» бабушку!

И там, поедая у своей бабушки, может быть, последние морковные шаньги, он смотрит, как бабушка прядет лен, и фантазирует:

«Знаю, знаю — придет пора,
Отзвучит березковый звон.
Увезут весь лен со двора,
Увезут любимый твой лен».

Как это и кто увезет? Не конфискации ли льна будет объявлена? Да и почему

любимый? В этих строчках — тоска по обреченным, отживающим свой век формам индивидуального хозяйства, поэтизация его, а следовательно, и проявление чуждой нам идеологии.

Доев шанги и взяв котомку, он еще раз напоминает:

«Я стремился в деревню от скуки
Посмотреть, старушка, тебя».

Рабочие, которым «певец восходящей деревни» зачитывал свои песни, дали ему справедливую, достойную отповедь. Вместо того чтобы подойти ближе, прислушаться к мнению рабочих, наш трубадур гордо отвечает:

«Говорите, ну, что же, говорите!
Снегиря на грача не сменять.
Не хочу, не хочу я линять!
Потому что сегодня утром
В синеглазые дали смотрел
И березки сплетались жгутом
И петух так призывно пропел».

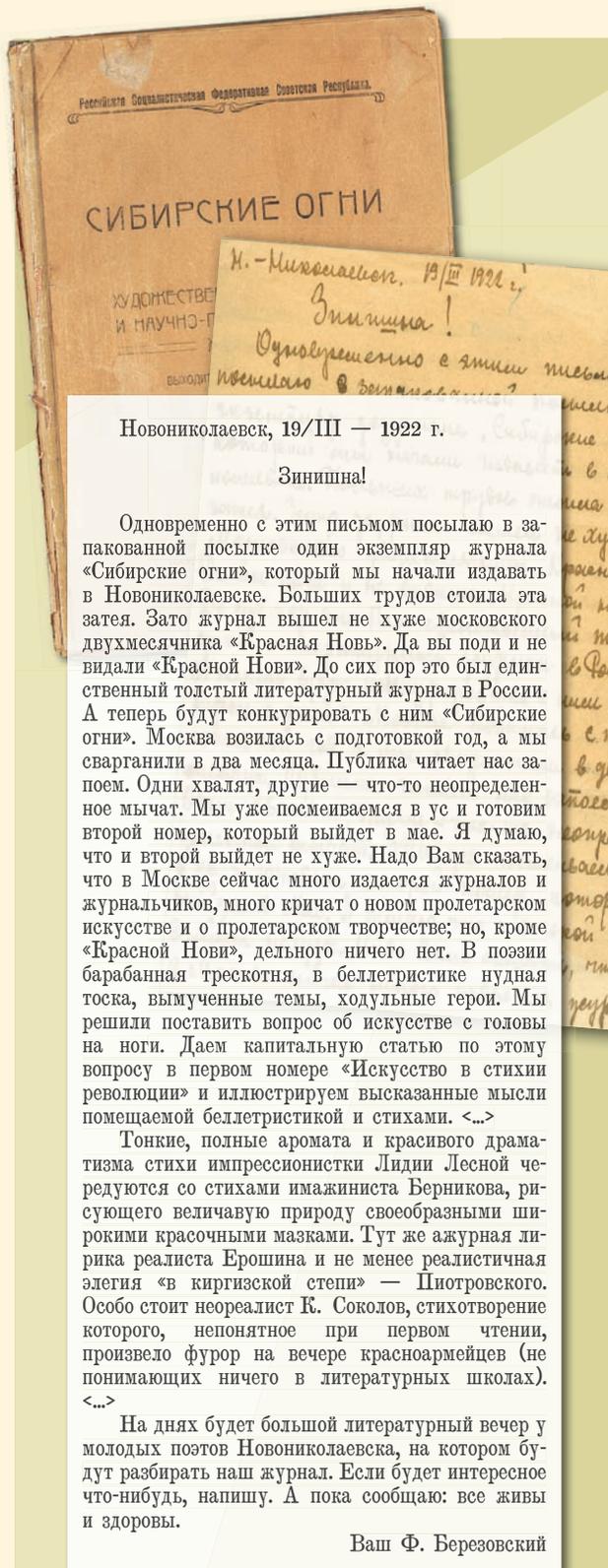
Редакции он отвечает так же, только в прозе: «Не брошу любимых мне песен, какие бы дрянные они ни были. Вы отрицаете красоту, в которой так хорошо, легко живется. Придет время, и вы будете в ответе за извращение поэзии».

Нетрудно догадаться, что наш автор — один из многих выходцев деревни, еще не успевших вылинять и обрасти железной волей рабочего.

<...>

Наш автор отстал от хода экономического развития общества, не сросся с рабочей средой и не живет передовыми идеями ее. Внимая «петушиным призывам», он не слышит победоносного движения пролетариата. В этом и только в этом опасность для начинающего. Кто этого не понимает и оберегает ревностно свои песни, «какие бы дрянные они ни были», тот порывает с пролетариатом и незаметно для себя скатывается в объятия богемы.

Лит.-конс. бюро СИБАПП и «Сиб. Огни»
Сибирские огни, 1930, № 4

Петр ДРАВЕРТ

Драверт Петр Людовикович (1879–1945) родился в Вятке. Учился на естественном отделении физико-математического факультета Казанского государственного университета. Известный геолог, минералог, метеоритолог. Участник многочисленных экспедиций по Поволжью, Уралу, Башкирии и Сибири, в том числе экспедиции по исследованию Тунгусского метеорита. Автор пяти поэтических сборников. Умер в Омске.

В полынной степи

Лунный свет в пыли полынной.
Степь в дремоте замолчала.
Тракт лежит прямой и длинный,
Без конца и без начала.

Травы сонные так гибки,
Тени резки, но не грубы;
В опечаленной улыбке
У тебя змеятся губы.

Губы с горьким ароматом
Доцветающей полыни;
А луна скользит по скатам
Голубеющей пустыни...

Мы от старых снов бежали,
Мы искали замок света;
Но разбила ты скрижали
Нам открытого завета.

И уходишь в путь разлучный,
Горький путь, как эти травы.
Слышу твой вопрос беззвучный:
Может, оба мы не правы?

Но ответа нет из чаши,
Опрокинутой над степью,
И сердца опутал наши
Луч луны холодной цепью...

Мы томимся бредом жгучим,
К небывалому ревнуем
И уста друг друга мучим
Долгим, горьким поцелуем.

Мы не верим, хоть и знаем,
Что чужие мы отныне,
И прощальный взор бросаем
Серебрящейся полыни.

Ягоды тундры (*Rubus chamaemorus* L.)

Опьяняющим солнечным соком
Налились — и желтеют янтарно;
И, верна неизменчивым срокам,
Смотрит осень на них светозарно.

Скоро снежные полосы лягут
На сырой кочковатой дорожке,
Но тебе наших северных ягод
Принесу я в таловом лукошке.

На созданья болотного лона
Не гляди вопрошающе-хмуро;
Ты забудешь бананы Цейлона,
Ананасы долин Сингапура.

Что мальтийские нам апельсины,
Виноград тихоструйного Дона,
Золотые лимоны Мессины
Или вишни садов Альбиона?

Только здесь, на просторах Сибири,
Наклонившейся к тундрам великим,
Зреют лучшие ягоды в мире,
Ароматом проникнуты диким.

Знаю, утром в остывшем стакане
Побродив деревянной ложкой,
Ты пошлешь меня в зыбком тумане
За оранжево-желтой морошкой.

Обь

Запутанная сеть бесчисленных протоков,
Каймящих острова узором прихотливым,
Продольных отмелей сереющий песок
И купы тростников над гложущим заливом.

Река в движении своем нетерпеливом
Меняет каждый год неудержимый ток, —
И бешеной весной развившийся клубок
Волнистых струй бежит, катясь по голым ивам.

Напрасно ищет глаз возвышенностей скал
Иль круглых выступов вершин уединенных, —
Все раздробил и смысл тысячелетний вал,
Все сглажено в веках загадочных и темных.

И вот блуждает Обь, сливаясь и делясь,
Творя непрочную, причудливую вязь.

* * *

Мне было бы страшно попасть на планету другую
В путях ли познания иль жуткой дорогой возмездья —
И помнить с предельною ясностью Землю родную,
И видеть на своде полночном иные созвездья.

О, как тосковали бы вверх устремленные взоры,
Блуждая от края до края искрящейся чаши:
Знакомые звезды в другие сложились узоры —
Загадочно-странные, остро-чужие, не наши.

Пусть даже растения, реки, озера и камни
Такими же были, как в старом покинутом мире,
Но все же давила бы душу клещами тоска мне,
И я голодал бы глазами, как нищий на пире...

Свидетели детства и юности буйной и страстной,
Огни, озарявшие мысль кипучих боренья,
На небе моем вы останетесь вязью прекрасной,
Немеркнувшей повестью новых дорог откровенья.

Я знаю, что надо текучих годов миллионы,
Чтоб вам для Земли перестроить свои сочетанья;
Нет в Космосе звезд закрепленных, и движутся их легионы,
Как движется все в безграничном кругу Мирозданья.

Леонид МАРТЫНОВ

Мартынов Леонид Николаевич (1905–1980) — русский поэт. Родился в Омске, многие свои произведения посвятил истории Сибири.

Провинциальный бульвар

Провинциальный бульвар.
Извозчики балагурят,
Люди проходят, восстав от сна,
Так и бывает: проходят бури
И наступает тишина.

Что из того, что так недавно
Стыли на стенах кровь и мозг!
Толстые люди проходят плавно
Через бульвар, где истлел киоск.

Что из того, что разрушенных
зданий
Ясные бреши глядят на восток!
Кончились, кончились дни
восстаний,
Членовредительства и тревог.

И только один, о небывалом
Крича, в истрепанных башмаках,
Мечется бедный поэт по вокзалам,
Свой чемоданчик мотая в руках.

1921

Как я начал печататься в «Сибирских огнях»

...И я поехал в Новониколаевск. Помню, приехал я рано утром, часу в шестом. Потолкавшись на неказистом новониколаевском вокзале, я медленно углубился в деревянный, незнакомый мне город... И, погруженный в размышления, я сам не заметил, как вдруг очутился на главной улице города. И, взглянув на нее, я осознал, что эта улица, Красный проспект, является не чем иным, как бульваром, обрамленным с обеих сторон невысокими кирпичными, а то и деревянными домами и домиками. ...Я понял, что этот самый провинциальный бульвар со всеми его атрибутами я и описал в стихотворении... Не зная еще этого бульвара, не имея конкретного представления о нем именно — в Омске таких бульваров не было! — я как бы предвидел его, попал прямо в точку...

(Из книги «Воздушные фрегаты»)

СИБИРСКИЕ ОГНИ

1-30

ОБЩЕСТ-
ВЕННО-ЛИТЕ-
РАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

1922-1927

Эскиз обложки
первого юбилейного номера
«Сибирских огней», 1927 г.

Обращение к читателям

КРИТИКУЙТЕ НАШ ЖУРНАЛ.

Какой рассказ, какое стихотворение понравились вам больше всего в этом номере? Какие не понравились, почему?

Интересно ли читать кино-сценарии?

Надо ли помещать в «Сибирских Огнях» фотографии и др. иллюстрации?

Правдив ли очерк Мих. Никитина—«Кадры»?

Верно ли и достаточно ли отражает недостатки нашего строительства и борьбу с этими недостатками союза строителей статья т. Слонима—«Красные строители и белый грибок»?

Интересна ли статья «Революция и язык»?

Каково ваше общее впечатление от настоящего номера «Сибирских Огней»?

Что, по вашему мнению, необходимо для улучшения журнала?

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АВТОРАМ

Нашей редакцией был получен ряд литературных произведений, главным образом из столицы, — уже напечатанных их авторами в других органах печати.

Поэт Клычков передал лично члену нашей редакционной коллегии стихотворение «Русь», напечатанное в столичном журнале, Г. Пентиков прислал несколько стихотворений, помещенных им в сборнике «Лирень».

Некоторые авторы, подобно Хлестакову, считают себя вправе делать предложение нескольким редакциям (Анне Андреевне и Марье Антоновне). Так поэт Ив. Шершнев передал нам ряд стихотворений, которые в то же время начали появляться в других провинциальных журналах. По-видимому, подобный способ «перепечатки» авторами своих произведений практикуется в широких размерах вообще: так в № 4 — 1922 журнала «Красная Новь» мы читаем стихотворение О. Мандельштама

«Уничтожает пламень
Сухую жизнь мою»,

напечатанное в журнале «Рудин», издававшемся в Петербурге в 1915—16 годах.

Таких фактов мы могли бы указать немало, но пока не считаем нужным опубликовывать всех гоголевских женихов. До сих пор, как нам это кажется, редакции нашего журнала удалось благополучно из-

бежать невольного незаконного двоеженства — частью случайно, частью потому, что гоголевские женихи не всегда побеждали наши сердца.

Но все же считаем необходимым решительно просить всех, и столичных и не столичных поэтов и писателей, присылать рукописи лишь тогда, когда они сочтут наш журнал достаточно достойной трибуной для своих литературных выступлений. Не поднимая вопроса об этической стороне подобных поступков и полагая, что в этом, может быть, сказывается просто обычное олимпийское пренебрежение столицы к глуши или желание «подработать» на нашей неосведомленности и невежестве, мы зовем и другие провинциальные журналы начать решительную борьбу с подобными явлениями.

Мы хотим одного: чтобы наш журнал имел оригинальный лик. Поэтому просим авторов, присылающих для тех или других целей в наше издательство уже напечатанные рукописи (или переданные в другие редакции), делать по этому поводу точные указания.

Думаем, что это необходимо не только для защиты интересов издательства и читателей, но и для практического осуществления авторского права.

Редакция журнала «Сибирские Огни»
Сибирские огни, 1922, № 4

КАК ПОНИМАЮТ РАБОЧИЕ НОВЫЕ СТИХИ

Сперва читали стихи подряд, потом разбирали каждое четверостишие.

«Раздумье стихотворца». Л. Мартынов («Сиб. Огни», № 6).

**«Я, Евгения, понял тебя, наконец!
В душевной комнате ссорятся пленники.
Их хотел умертвить твой высокий отец,
Гениальный профессор евгеники».**

ГЕРМАН (красильщик). — Это должно означать, что профессор — отец Евгении — хочет каких-нибудь пленников: то ли людей, то ли насекомых или животных зарезать. Евгения их пожалела, а автор ее наконец понял. А сколько времени надо нам, грешным, чтобы тоже понять Евгению?

**«Всюду кляксы, бумажные комья и клей
И окурки на подоконниках...
Для тебя — ты прекраснее всех и светлей —
Много ль толку в таких поклонниках!»**

ТАРСКАЯ (наборщица). — Всюду окурки отец набросал для любимой дочери, и тогда она среди окурков стала еще интереснее и красивее и стала любимицей поклонников — окурков. Так, стало быть?

**«И когда одного разобьет паралич,
Новым свита твоя увеличится.
Ты устало прикажешь: — Воспой, возвеличь,
Я — наставница ваша, владычица».**

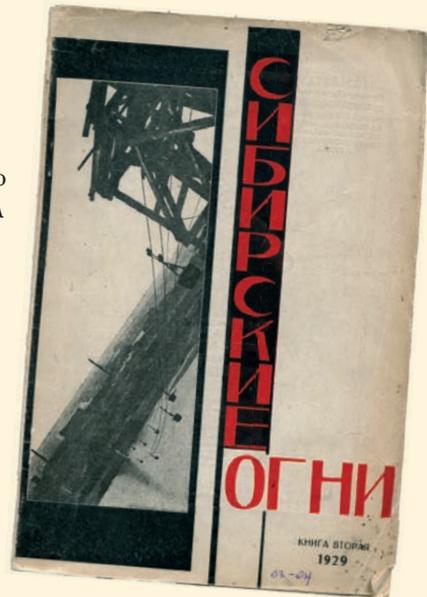
РОЗИН (линотипист). — Удивительный приказ — «усталый». Кому приказывать — окуркам или пленникам-поклонникам?

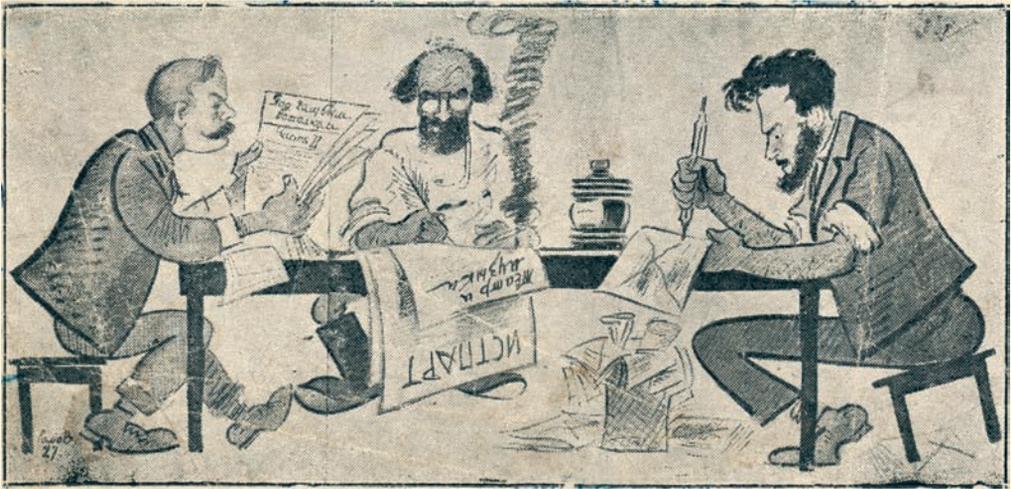
**«Стихотворцы кричат. И в припадке тоски
Обнажают ножи перочинные.
Оправданье и повод для каждой строки
Только ревность — еще беспричинная».**

ВОДОПЬЯНОВА (жена конторщика). — Вот это понятно! Но — старо. Потому, что еще Пушкин писал «О тоске и ревности беспричинной»...

**«Вот весна. По оврагам ручьи зарычат,
В мутной желчи коряги ворочая.
А у встреченных девушек губы горчат,
Но без них огорчен в эти ночи я».**

ВОДОПЬЯНОВА. — Здесь автор определенно соврал. Весною парни звонче целуют... а губы в это время у девушек, по словам парней, сладкие. Никогда ни одна подруга не говорила мне, что у ней губы горчат. Губы бывают потресканные, красные, бледные, толстые и тонкие, но не горькие.

«Редакция журнала "Сибирские огни". М. М. Басов, В. Д. Вегман, В. Я. Зазубрин». Шарж. 1923(?). Из архива Г. М. Пушкарева.

**«Я брожу огорчен. Я навек их отверг —
Та неумная, та узкогрудая.
Не для них изготовить хочу фейерверк,
Пылкой смесью созвучий орудуя».**

РОЗИН. — Значит, узкогрудых не любит, а полногрудых...
ЛЕВИН. — У парня губа не дура.

**«Я совсем не поэт (реплики: верно, видать). Этим тонких мужчин
Переходного поколения
Ненавижу я сам. Фейерверкера чин,
Мне, пожалуй, под полночь, Евгения».**

ГЕРМАН. — Вишь, ребята, куда гнет: ему Евгению под полночь надо...

**«Вот стальное перо по бумаге скрипит,
Вот бумага затлелась от трения (общий смех).
Стихотворным сияньем тебя ослепит
Фейерверк мой полуночный, Евгения».**

ЛЕВИН. — Здорово пишет. Быстро. Аж бумага загорелась.
ГЕРМАН. — 10.000 слов в секунду. Мотор!

**«Ослепило! И тьма. И в шкафах у стены
Стонут мыши, пропахшие книжками (смех).
Писчей судорогой сведены, сведены,
Скоро пальцы покроются шишками».**

ВОДОПЬЯНОВА. — Шиворот-навыворот. До сих пор я думала, что только книги могут пахнуть мышами, теперь же выходит, что и мыши могут запахнуть книгами. Ну и чудеса! При том, как это автор подметил, как пальцы скрючились у мышей, когда они объелись писчей бумагой? Ведь мыши только грызут бумагу, а не едят ее?

ЛЕВИН. — Ну, знаете, хотя мыши и имеют свой специфический запах, но книгами, если краска печатная свежая, они могли бы как-нибудь пропахнуть. У нас нюхатель не развит, но Л. Мартынов поэт, а у поэта ноздри беда как чувствительны, все одно что у кошки — за версту мышь чует. А судороги?.. Тут что-то не того...

ГЕРМАН. — Без полбутылки не разберешь...

**«Я бросаю перо (реплики: славу богу), осторожность храня...
Нет! Рукою талантливой все еще
Я ударю того, кто счастливей меня (голос — храбрец!) —
Не впервой мне вязаться в побоище (голос — бывалый!)».**

ТАРСКАЯ. — Кого он бить собирается: пленников, профессора, дочь его или ее поклонников, которые пишут стихи от ревности?..

**«Ты напрасно зовешь: — Возвеличь и воспой —
Для чего величать величаую?
Я уйду, окруженный громадной толпой,
Беспокойной, голодной оравую».**

РОЗИН. — Всегда поэты думают, что их обязательно толпа будет провожать.

ЛЕВИН. — Без толпы нельзя, товарищи!

**«Где не чист небосклон и кусты, как хлысты,
Хлещут землю сырую и серую,
Кто-то пни выкорчевывал, строил мосты
Второпях перед новой эрою».**

ВОДОПЬЯНОВА. — Он (автор) хочет уйти к Есенину.

ЛЕВИН. — Пускай катится... Скатертью дорожка.

**«Там не будет нужды в тонких, льстивых словах,
Разве только охотник за ласкою
На заре у костра белобрысых девах
Позабавит нехитрою пляскою».**

ГЕРМАН. — Эх, ребята! Он на Луну собирается. Там нет лести. А на Земле есть и долго будет, пока не уничтожатся спец и прочие ставки (?!).

**«Белобрысых девах, бивуачных стряпух,
Тех, кто вечно в заботливых помыслах:
От тоски б не ослаб, от цинги бы не вспух
Человек на постройках, на промыслах».**

ВОДОПЬЯНОВА. — Это в какой армии на бивуаках были стряпухи? Конец вполне верен: «От тоски б не ослаб» автор... — пускай поедет к Штамову (физиотерапевтический институт в Томске. — Ред.).

ОБЩИЙ ВЫВОД. Нужен к таким стихам справочник, который расшифровывал слова. На первый же взгляд, и без справочника это получается набор слов и рифм без смысла.

И все ж —
 в пустыню —
 ветер —
 вой —
 Летят матросские частушки.
 Раз матросня была пьяна.
 Коль разбушуется
 — полундра!
 Но завтра берег.
 Тишина.
 Но завтра берег.
 Ночь и тундра.

На берегу тяжелый след.
 На берегу бегут олени.
 В смраду поднялся на колени
 Спокойный серый самоед.
 И мы приносим вместе Нуму,
 Как небо, мгlistому с лица,
 Лоскут и горсточку изюму,
 Чтoб урожай послал песца.

Под ледяным огнем норд-оста
 Костер из кучи плавника.
 Рефракцией приподнят остров.
 Над морем ветер,
 облака.

И я живу одним дыханьем,
 Я пью оледеневший снег.
 И знаю крепко:
 Человек
 Цветет под северным сияньем.

Рырка́рпий — Моржовый мыс

Анкаультенхин, голубой цветочек!
 Южный ветер дохнул, он вырос на гальке.
 Его лепестки любят чукотские дети.
 Анкаультенхин, голубой цветочек...

Я иду по берегу Полярного моря.
 Великие льды преградили нам путь,
 С вершины Рыркарпия бел и недвижим
 Пролив Лонга.

Кости раотам-кита отмечают дорогу.
 Череп рырка смотрит тремя глазами.

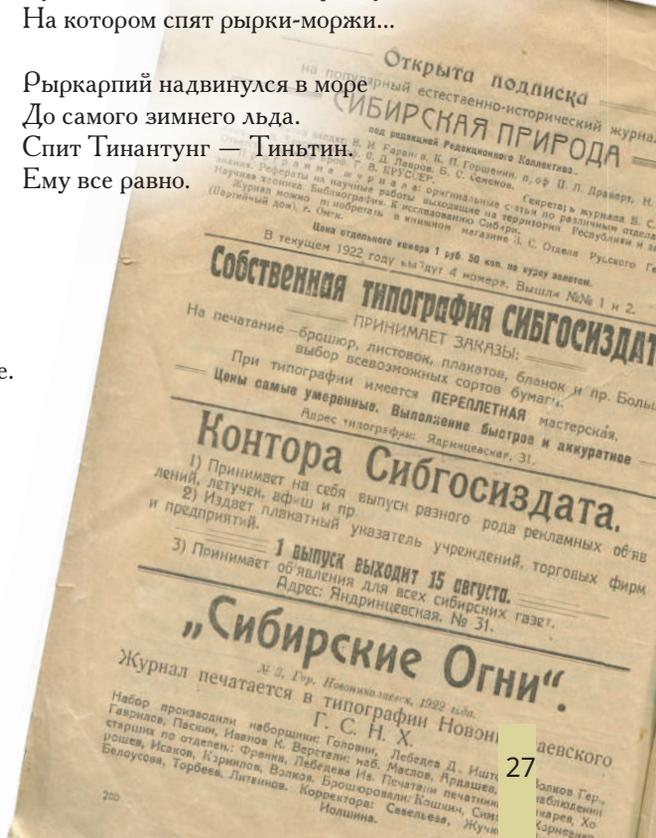
Кричит чайка-аяк.
 Молчит проводник Этуг.
 Тинантунг. Тиньтин. Тиркитир.
 Небо, лед, солнце.
 Вот его дом —
 Яранга, с оленьим пологом
 и нерпичьим жиром...

Анкаультенхин, голубой цветочек!
 Мы прошли двадцать миль по мелкой гальке,
 Я устал и потому говорю с тобой,
 Напевая в такт, как чукча.

Ритм, ритм — великая вещь!
 Если горе, не теряй этого ритма.
 Я иду по берегу Полярного моря.
 Льды надвинулись к самым моим ногам,
 И даже дно морское замерзло.
 Год тяжелый. Лед.

— Иоо, подуи!
 Южный ветер, подуи!
 Вот когда моряки просят шторма!
 Но Тинантунг спит.
 Один просит шторма, другой тишины.
 Русский — свободного моря, чукча — льда,
 На котором спят рырки-моржи...

Рырка́рпий надвинулся в море
 До самого зимнего льда.
 Спит Тинантунг — Тиньтин.
 Ему все равно.

СИБИРСКИЕ ОГНИ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК НОВОСИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
РАБОТНИКОВ ПИСАТЕЛЕЙ ДЛЯ СИБИРЯКОВ-ФРОНТОВИКОВ, ЯНВАРЬ 1944 г.

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!

Воиннам-сибирякам

Наш город

Николай Николаевич ЯНОВСКИЙ

(1914–1990). «Нестор сибирской литературы» – вот так образно называли коллеги Николая Николаевича Яновского. И это было истинной правдой. Именно усилиями Н. Н. Яновского был осуществлен выпуск уникального издания «Литературные памятники Сибири», он является автором огромного количества монографий, рецензий, очерков о творчестве известных писателей. Находясь на посту заместителя главного редактора «Сибирских огней», Николай Николаевич внес большой вклад в развитие литературного процесса.

...**В**ойна есть война. Может случиться, что меня и не будет. Я не раз смотрел смерти в глаза, и счастье мое, что «подлая смерть отступила». Но война, к сожалению, продолжается, и я не знаю, что ждет меня завтра...

Лева и Лена! У вас есть мама, редкая, талантливая русская женщина, которую вы — я знаю — любите. Любите и уважайте ее всегда, она вас родила и воспитала. Любите и уважайте свою маму, которая умеет быть и еще будет для вас верным помощником и чутким неизменным другом. Помните, что именно за эти качества я полюбил ее и никогда не перестану любить...

У вас есть родные русские отец и мать, у вас есть родной советский народ. Помните, что это входит в священное понятие Родина, процветанию которой вы должны содействовать всеми силами, о благе которой беспокоиться всю жизнь...

Вот все то, что я, простой русский солдат, на всякий случай хотел и успел сказать вам, моим детям...

Из письма Н. Н. Яновского своим детям.

Отправлено из действующей армии 2 октября 1944 года

В первый год Великой Отечественной войны выход журнала был приостановлен, но в 1942 году на базе «Сибирских огней» появились две книги альманаха «Огневые дни», а с 1943 года выход журнала возобновился под прежним названием. Писатели-сибиряки воевали на фронте, многие из них пали смертью храбрых на полях сражений.

Специальные выпуски журнала отправлялись в действующую армию, а в Новосибирск от фронтовиков приходили благодарные отзывы: «Весть о получении «Сибирских огней» облетела всех, и на чтение устанавливается очередь...»

Выпуски журнала военных лет – это символ несокрушимой веры в Победу.

Вячеслав Яковлевич ШИШКОВ

(1873–1945) — русский писатель.

В молодые годы исколесил всю Сибирь, строил дороги, в том числе Чуйский тракт на Алтае. Сибири посвящены многие его произведения: повесть «Тайга», роман «Ватага» и др.

Но наибольшую известность приобрел его роман «Угрюм-река», до сих пор широко переиздаваемый, а в 1960-е годы — экранизированный. Первая его часть была напечатана в 1928 году в журнале «Сибирские огни».

Савва Елизарович КОЖЕВНИКОВ

(1903–1962) — главный редактор журнала в 1940–1941 и 1948–1953 годах.

С. Е. Кожевников прошел большой жизненный путь. Был на комсомольской работе, журналистом, во время Великой Отечественной войны служил корреспондентом армейской газеты, пройдя по фронтовым дорогам «с «лейкой» и блокнотом». Десять лет он возглавлял «Сибирские огни», привлекая к сотрудничеству с журналом лучших сибирских писателей.

ВЯЧЕСЛАВ ШИШКОВ.

Истоки

(Из романа «Угрюм-река».)

ИБРАГИМ-ОГЛЫ. ПЕРОЧИННЫЙ

На сполы, где город упирался в перелесок, этажный дом. На крыше вывеска: «Стой. Црул зорт».

Горел Ибрагим-Оглы из переселенцев, хозяин этой цырульни, целыми днями лежал на боку или где-нибудь шпаял, и только лишь вечером в его мастерскую заглядывал разный люд.

Ибрагим-Оглы, кроме искусства ловко стричь и брить, был известен пьющему люду городских окраин, как человек, у которого в любое время найдешь запас вольсы. Вечером у Ибрагима клуб: противившиеся двадцатники — так звали здесь чиновников — мастеровица-матушка, какое-нибудь забудное лицо духовного звания, старьевщики, карманники, цыгане, да мало ли какого народа находило отраду под гостеприимным кровом Ибрагим-Оглы. А за последнее время стали захаживать к нему кой-кто из учащихся. Отнюдь не дешевизна водки прельщала их, а лобовитый облик хозяина, этого разбойника, каторжника. Пушкин, Лермонтов, Толстой — впечатления свежие, яркие, сказочные горны бегут со страниц и маяят юные мечты куда-то вдаль, в ущелья, под чинары. Ну, как тут не зайти к Ибрагиму-Оглы? Ведь это же сам таинственный дьявол с Кавказских гор. В плечах широк, в талии тонок, и алый бешмет, как пламя. А глаза, а холодные черные брови: взглянет — строже — убьет. Вот, чорт!

Но посмотрите на его улыбку, какой он добрый, этот Ибрагим. Улыбнется, тряхнет плечами, ударит ладонь в ладонь: алля-алля-гей! — да как бросятся под музыку дэзнику танцовать. Вот вы тогда полюбуйтесь Ибрагимом... Заглядывал сюда с товарищами и Прохор Громов.

Музыка давно кончила последний марш, трубы остыли, и турецкий барабан пьет теперь в трактире сидорал. Сад быстро стал пустеть. Дремучий головой огромный: нередко в его трупобах даже среди бела дня бывали гра...

СИБИРСКИЕ
ОГНИ

3

МАЙ-ИЮНЬ
1928

Москва, Кремль.
12 апреля 1972 г.
В 2789-УП.

На поэтическом вечере.
У микрофона поэт А. Романов.
За столом третий слева –
А. Кухно, четвертая слева –
Е. Стюарт

Николай Яковлевич САМОХИН

(1934–1989) — русский прозаик и публицист. Практически все его произведения впервые были опубликованы на страницах «Сибирских огней»: повести «Рассказы о прежней жизни», «Так близко, так далеко», «Наследство», многочисленные рассказы и очерки.

Несколько лет Николай Яковлевич работал ответственным секретарем журнала.

Мне было лет восемь-девять. В один прекрасный день на нашей заводской улочке Аульской готовилось очередное сражение между красными и синими. По этому случаю происходила раздача званий. Красными командовал, разумеется, Клим Ворошилов — самый почитаемый на улице сорванец. Под рукой у него были такие прославленные полководцы, как Чапай, Александр Невский, Суворов и Буденный.

— А ты кем будешь? — спросили у меня.

Я только что прочел удивительную книгу Соловьева «Насреддин в Бухаре», был свежо влюблен в ее героя, побеждавшего свирепых воинов и могучих правителей одной веселой мудростью, и поэтому сказал:

— Я буду Ходжа Насреддин.

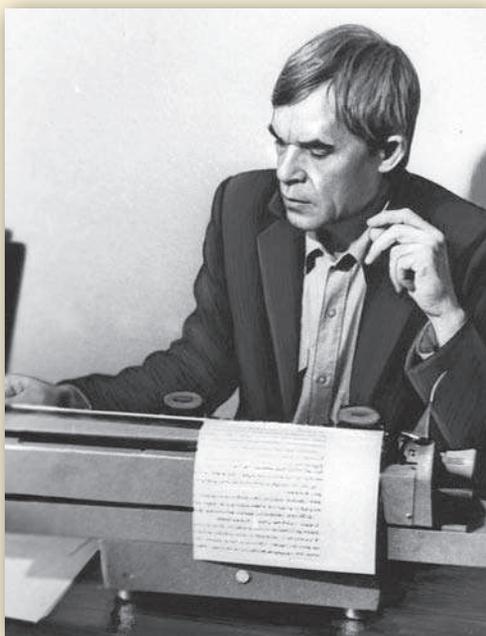
Ну ладно. Ходжа так Ходжа. Ребята с нашей улицы почти не читали книг — им негде было их взять. Раз человек желает быть каким-то Ходжой — значит, существовал такой полководец.

Но оказалось, что это еще не все.

— А как зовут твоего коня? — спросили они. — Вот у него, — кивок в сторону напыжившего грудь Буденного, — коня зовут Казбек.

— У меня не конь, — тихо сказал я. — У меня ишак...

Разве я мог знать тогда, что делаю выбор на всю жизнь...

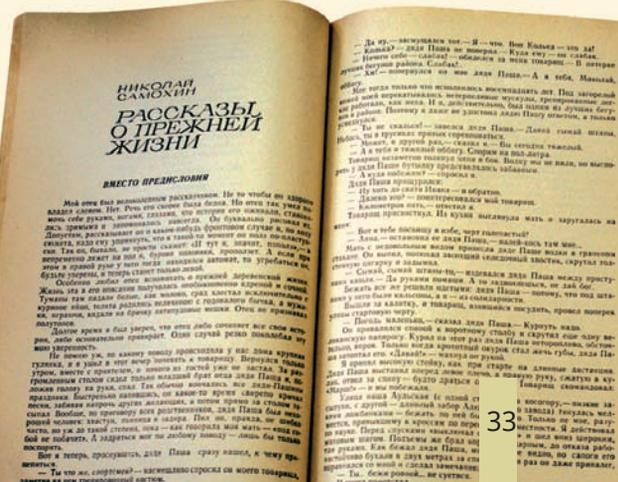

Н. Я. Самохин за работой. 1980-е гг.

На каких только коней не пытался я взгромоздиться, став взрослым! Я седлал Поэзию, Лирическую Прозу, Высокую Романтику. Скакуны не сбрасывали меня. Я довольно сносно удерживался в седле и, возможно, так и проехал бы по жизни на чужой лошади (сколько подобных случаев бывает!), если бы...

Если бы у оседланных мной скакунов не вырастали время от времени ослиные уши. Этого почти не замечали другие, но всегда замечал я. Видимо, выбор был сделан не случайно...

(Из книги «Писатели о себе»)

Мои «Сибирские огни»

Нелли ЗАКУСИНА

Закурина Нелли Михайловна родилась в 1942 г. в Читинской области на станции Могоча. Окончила Новосибирский инженерно-строительный институт. Работала в проектных институтах, в журнале «Сибирские огни». Поэтесса. Автор книг стихов «Мой светлый день», «Белый снег, зеленая трава», «У сентября спокойное лицо», «Свет любви», «Звезды в колодце» и др. Член Союза писателей России. Живет в Новосибирске.

* * *

Сколько помню себя, у нас в доме всегда был журнал «Сибирские огни». По младости лет я в него и не заглядывала... Было и так довольно много чего почитать (мама была книголюбива), да и у соседок иногда прихватывала, жили-то мы в «элитных» двухэтажных геодезических бараках, соседи все были люди с биографией и с остатками «былой роскоши». В основном книги и пластинки...

А уж когда в конце 50-х гг. в журнале вышли «Записки бывалого человека» геодезиста Григория Федосеева — в доме был праздник... Помню, он к нам приехал с «сигналом» этого номера в глухую Барабинскую степь... Отец уже сам был начальником экспедиции. Но сколько у них было пройдено вместе дорог! Григорий Анисимович приехал со своим краснодарским виноградом, что тогда было не то что экзотикой — невиданным лакомством, и с плетеной бутылкой вина собственного изготовления, которого в силу юного возраста мне и лизнуть не дали. Но бутылка еще долго тревожила своей южностью...

Дружба Федосеева с отцом продолжалась до конца их дней. И у меня хранятся книги с его автографами. К каждой книге отец по просьбе Федосеева рисовал карты. Книжки выходили. Карты — нет. Причины понятны... Зато они были приблизительно изображены художниками. Но... спец и первопроходец был удручен. Гонорар распивали за столом.

Ох, как я любила эти их посиделки! Столько интересных таежных историй, названий: Сихотэ-Алинь, Становой хребет, Восточные Саяны, Яблоновый хребет, Джугдыр...

А уж после начался мой долголетний «роман» с «Сибирскими огнями».

Первая большая подборка моих стихов вышла в 1966 году. Сейчас для меня самое важное то, что я успела сказать моему литературному крестному Александру Кухно — спасибо! Успела. Через много лет. За день до его смерти.

Нелли Закурина. 1970-е гг.

Редакция журнала «Сибирские огни» с Анатолием Никульковым. Новосибирск, 1975 г.

А потом пошли трудовые будни...

Илья Олегович Фоянков порекомендовал меня на должность редактора в Западно-Сибирское книжное издательство. Хорошие, счастливые годы... Такие люди там работали, такие авторы были! Но я всегда мечтала работать именно в журнале. Тем более что уже вкусила эту сладость в журнале «Байкал». А поскольку «Сибирские огни» были как бы подразделением издательства, то это произошло естественно.

И вот с 1977 года я стала редактором отдела прозы, а через год и заведующей. Типа начальницей двух прекрасных рыцарей. Петра Муравьева уже нет на этой земле. Алексей Горшенин, слава богу, остается моим другом.

Это были годы расцвета журнала. Тираж доходил до 120 тыс. Членами редколлегии были В. Адаров, В. Астафьев, А. Окладников, Э. Бурмакин, А. Коптелов... Соответственно, и авторы были значительные. Но и многим молодым, ныне известным писателям, журнал предоставлял свои страницы. Как пример могу назвать Михаила Щукина, ныне главного редактора «Сибирских огней».

Были тогда и свои трудности. Многие талантливейшие авторы оставались за бортом, не принятые в свою когорту писателями, что были как бы во власти... ну и, мягко говоря, дальше своего творческого носа ничего не видевшими.

Александр Смердов и Анатолий Никульков. 1960-е гг.

вала после своего ухода из «Сибогней». Если бы вы знали, как читали эту поэму старшеклассники, какие писали по ней сочинения!..

Не могу не вспомнить добрым словом главного редактора, под началом которого я проработала более десяти лет, Анатолия Васильевича Никулькова. Бывший фронтовик, очень интересный публицист и прозаик... Он, пожалуй, первым написал о временах культа личности — имею в виду его роман «В буче». Книга так никогда и не была переиздана. Или вспомнить его роман о В. Маяковском «На планете, мало оборудованной». Никто и никогда так не написал о Маяковском. Но... вышла только первая часть романа.

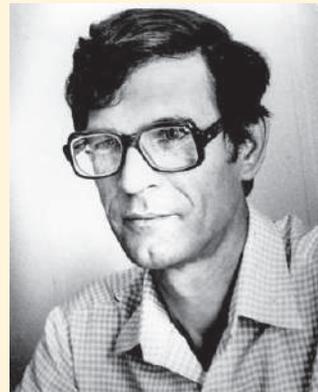
У Анатолия Васильевича была установка на молодых. Именно при нем стали проходить семинары молодых писателей не только в Новосибирске, но и в Омске, Томске, Кемерове, Барнауле, Тюмени, Красноярске, Улан-Удэ... При нем же стали больше переводить на русский язык произведения народов Сибири.

Моему третьему главному редактору (и моему другу с юности) Геннадию Федоровичу Карпунину достались нелегкие времена... Рушилась страна. Рухнул и журнал.

Но я хочу еще вспомнить моих друзей-сибогневцев, с которыми работала бок о бок все эти годы. Я думаю, этих людей нужно вспомнить, тем более что сами о себе они уже ничего не могут сказать. Вот они: Александр Александрович Романов — поэт, завотделом поэзии, Виталий Георгиевич Коржев — критик, завотделом критики, Абрам Ушеревич Китайник — писатель, переводчик, завотделом публицистики, Александр Иванович Плитченко — поэт, прозаик, переводчик, ответственный секретарь, Петр Анатольевич Муравьев — прозаик, редактор отдела прозы, Виктор Александрович Крещик — поэт, ответственный секретарь.

Вот тут и приходил (не всем, наверное) на помощь журнал.

Хочу вспомнить своего первого главного редактора Александра Ивановича Смердова. Лично в редакции с ним я не работала, но именно он дал добро моей первой публикации. И потом всегда был очень доброжелателен, несколько раз просто приходил на помощь. А его поэма «Пушкинские горы»! Сейчас ведь не хотят даже думать, не то что вспоминать о тех произведениях, что написали они. Я эту поэму «прокручивала» в школах, где препода-

Геннадий Федорович Карпунин (1939–1998) — главный редактор «Сибирских огней» в 1987–1997 гг.

Александр Иванович Плитченко (1943–1997) – поэт. С конца 1960-х – сотрудник «Сибирских огней», впоследствии – ответственный секретарь журнала

Это были лучшие годы моей жизни. Дружеская, искренняя атмосфера в редакции, замечательные авторы, плодотворные командировки и, конечно, непоказной интерес коллег к творчеству друг друга... Конечно, мы не только трудились в поте лица, но иногда безудержно веселились. Народ был остроумный, изобретательный... А как проходили субботники! Мужчины уходили долбить лед, а женщины — я вместе с секретаршей и машинисткой — чего-нибудь крошили и накрывали редакционные столы. Возвращались мужчины, и тогда я брала в руки «Большую зеленую книгу» и записывала, записывала, пока народ покатывался со смеху. Тон задавал Анатолий Васильевич. Что ни фраза, то находка... «Нет таких безвыходных положений, в которые бы не попадали большевики!» — провозглашал он, а завредакцией Валентин Демин в это время предавался лирическим воспоминаниям: «Хорошая девушка... Но никакой культуры в приеме пицци». Или: «Хорошая девушка, но у меня к ней нет никаких симптомов...»

Нелли Закусина и Геннадий Карпунин.
1987 г.

Была у нас еще одна творческая затея — стенные газеты к праздникам или по случаю чего-нибудь личного, для кого-нибудь. Будь то день рождения, или выход новой книги, или просто житейские коллизии... Хорошо рисовали Г. Карпунин, А. Плитченко, ну и я, как бывший архитектор. Но об этом как-нибудь к следующему юбилею.

В «Сибирских огнях».
Г. Карпунин,
А. Горшенин,
В. Крещик,
А. Романов

Елизавета СТЮАРТ

Стюарт Елизавета Константиновна (1906–1984) родилась в Томске. С 1932 г. жила и работала в Новосибирске. Начала печататься в 1929 г. как детская поэтесса, в 1943 г. выпустила первую книгу стихов. В военные годы служила в сибирском отделении ТАСС. В конце 1940-х подвергалась критике за «ахматовщину». Автор 16 поэтических сборников и нескольких десятков детских книг.

* * *

Гонят стадо утром ранним
Через сонное село.
На окне цветут герани,
Бьется бабочка в стекло.

Ходят ходики хромая,
А из рамки на меня
Смотрит важная, немая
Деревенская родня.

Все как прежде, все как прежде.
Только места нет надежде —
Одиноко и светло.

Бьется бабочка в стекло...

Начало августа

Снова август — осенняя ржавость.
Дождь грибной прошуршал по земле.
Затихает лесная держава
В остывающем этом тепле.

Чуть стемнеет — в полнеба зарницы,
Тьмы и света немая игра.
А бессонница рядом садится
И со мной говорит до утра.

От реки подползают туманы,
В них мой домик, как лодка, плывет.
На коньке петушок деревянный
С неба спелые звезды клюет...

Осенний день

Вся пылает сквозная осина
В синей-синей прозрачности дня.
И паук, натянув паутину,
Из засады глядит на меня.

Ветер вовсе не хочет трудиться —
Тронуть ветку, хотя бы одну!
Только дятел — дотошная птица —
Прибивает к сосне тишину.

И такой на сосновых вершинах
Успокоенный солнечный свет,
Словно все, чему должно, свершилось,
Словно места желаниям нет.

Но пути, что уводят и манят,
Беспокойному сердцу нужны:
Мне не знать утоленных желаний
И не ждать для себя тишины.

* * *

Листопада пора, листопада.
Журавлиный подоблачный клик...
Ни о чем сокрушаться не надо
В предвечерний смиряющий миг.

Я стою над негромкой рекою,
Вижу дальний синеющий бор.
Солнце теплой и смуглой рукою
Гладит раски зеленый убор.

А закат разгорается рыжий,
Листья ивы прибрежной сквозят.
Водомерки на маленьких лыжах
По воде торопливо скользят.

Куличок суетливый на берег
Прилетел и сует у волны...
Очень хочется сердцу поверить
В нерушимость такой тишины.

Мимо гонят колхозное стадо,
Пыль над ним золотой пеленой...

Листопада пора, листопада.
И осенний смирившийся зной...

* * *

Вспоминайте меня, когда больше не будет меня.
Мне при жизни, поверьте, ни славы, ни денег не надо.
Но когда я уйду, как уходит пора листопада,
Вспоминайте меня.
Я прошу — вспоминайте меня.

На заречном лугу красный месяц заснул на стогу.
Рыба сонно плеснула. Звезда отдаленно блеснула.
И, укрывшись туманом, река потаенно вздохнула.
И костер загорелся на темном ее берегу...

Пусть в душе защемит от мерцанья ночного огня.
Пусть любовь и печаль на мгновение в вас встрепенутся...
Может быть, только так и смогу я на землю вернуться.
Вспоминайте меня.
Я прошу — вспоминайте меня!

Валентин КУРБАТОВ

Мои «Сибирские огни»

Курбатов Валентин Яковлевич родился в 1939 г. в Пскове. Окончил филологический факультет Псковского государственного педагогического института. Автор нескольких книг и сборников критических и литературоведческих статей. Публиковался в журналах «Москва», «Наш современник», «Сибирские огни», «День и ночь» и др. Член Союза писателей России. Живет в Пскове.

Какую роль сыграли «Сибирские огни» в вашей творческой судьбе?

Первую статью я напечатал в «Сибирских огнях» сорок два года назад.

Виктор Петрович Астафьев только прочитал едва вышедшую повесть Распутина «Живи и помни» и, потрясенный ее правдой, всполошился: «Ох, дадут они Вале!» И просил торопиться с опережающей защитой. Вот я и бросился в «Сибирские огни».

Была в журнале сибирская надежность, воля и даль, достоинство и духовная власть. Оттого и казалось, что надо стучаться именно в «Огни», которые ближе и роднее и Виктору Петровичу, и Валентину Григорьевичу и лучше соберут нас. И всегда с той поры, когда приходилось что-то время от времени делать для журнала, душа особенно собиралась.

С перестройкой журнал пережил общие беды и нестроения. Сейчас время учиться собираться снова.

Что бы вы хотели пожелать читателям журнала и коллективу редакции?

А пожелать — чего пожелаешь? Прежней надежности духа и настоящего возвращения домой — к силе и власти, с которой держала мир русская литература.

Каковы ваши творческие планы на ближайшее будущее?

Что делаю? — Стараюсь удержать именно это сознание, о котором говорил выше, — не в книгах, а в живой периодике. Для книг время еще не окрепло.

И Бог даст — мы еще встретимся на страницах «Сибирских огней».

Людмила ЯКИМОВА

Мои «Сибирские огни»

Якимова Людмила Павловна родилась в Горьком. Окончила Горьковский пединститут. Доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН. Публиковалась в журналах «Вопросы литературы», «Сибирские огни», «Сибирский филологический журнал», «Slavia orientalis» и др. Автор более 300 научно-теоретических и литературно-критических статей и семи монографий по истории русской литературы. Живет в Новосибирске.

Какую роль сыграли «Сибирские огни» в вашей творческой судьбе?

Для меня журнал — одновременно и объект научного исследования, и способ творческой и профессиональной самореализации. Трудно сказать, что важнее: работа исследователя истории самого значительного из региональных журналов России или авторское участие в журнале.

Из научных работ упомяну двухтомник «Очерки русской литературы Сибири», редактором второго тома которого я являюсь, в нем история журнала «Сибирские огни» рассматривается в контексте общей истории сибирской литературы как одна из важнейших ее страниц, а также коллективную монографию «Литературная критика журнала «Сибирские огни»», где мне принадлежит раздел о 30-х годах.

Журнал дал мне возможность проявиться и как литературоведу, и как литературному критику. На его страницах напечатаны десятки моих работ, посвященных и общим вопросам сибирского литературоведения, и творчеству многих сибирских писателей: А. Коптелова, Вс. Иванова, Л. Сейфуллиной, В. Правдухина, Р. Фраермана, К. Урманова и т. д. В 70—80-е годы я, можно сказать, щедрую дань отдала освещению творческих путей писателей, внесших богатый вклад в развитие жанра рассказа и повести: статьи о творчестве В. Шугаева, В. Жигалкина, Н. Самохина, Е. Городецкого, о представителях так называемой «молодой прозы Сибири», национальных литератур Сибири...

В 90-е годы появились в журнале и две мои повести: «Жизнь по Карнеги» и «Экзистенциалист в лагере амазонок».

Что бы вы хотели пожелать читателям журнала и коллективу редакции?

Нет сомнения, что юбилейный год журнал «Сибирские огни» встречает под руководством людей ответственных и инициативных, не оставляющих поиска новых путей к читателю, но как у филолога есть у меня ощущение необходимости усилить в нем внимание к проблемам литературной критики, не избегая появления на его страницах статей обобщающего плана, дискуссионного характера.

Не помешало бы в связи с юбилеем журнала дать портретную галерею его главных редакторов, начиная с Е. Ярославского, В. Зазубрина, В. Итина, А. Высоцкого, С. Кожевникова, А. Смердова, Г. Карпунина и т. д.

Каковы ваши творческие планы на ближайшее будущее?

В последнее время в поле моего внимания — фигура Вс. Иванова, преимущественно в аспекте творческих исканий, приведших к появлению главной книги 20-х годов — «Тайное тайных».

Юбилейная дата В. П. Правдухина — 125-летие со дня рождения — обусловила необходимость вернуться к осмыслению его творческого пути, и даже не столько его литературно-критической, сколько писательской деятельности — как талантливого прозаика, создателя казачьего романа «Яик впадает в море».

Анатолий КОБЕНКОВ

Кобенков Анатолий Иванович (1948–2006) родился в Хабаровске, вырос и учился в Биробиджане. Работал слесарем, токарем, рабочим геологоразведочной экспедиции. В 1980 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. С июня 1997 г. ответственный секретарь Иркутской организации Союза российских писателей. Редактор-составитель иркутских альманахов «Зеленая лампа» и «Иркутское время». Организатор Фестиваля поэзии на Байкале. Автор нескольких поэтических книг.

Колыбельная ушедшему

Спи, мой друг, приснись себе бессонным
маятником, морем, эмбрионом:

временем, пространством — в многоточьи
хочешь — дня, а коль желаешь — ночи...

Спи, дружок, спи, смычка-перемычка
между первой и последней спичкой:

вспыхнула — погасла, начадила,
на лице тенями наследила... —

все проходит, остается ветер,
лица, фонарь, возможно, дети...

* * *

Звезда мерцает и птица спит —
мог бы уснуть и дом,
но мы купили веселый спирт,
который как воду пьем:

подносишь спичку к нему — горит,
а в глотку забьешь — содом.

И кажется, вот они, друг и звук,
и верится — в каждый вздох
влагают персты свои хлеб и лук,
святители выпивох, —

и — «ах», говорит нам луковый луг,
а поле ржаное — «ох».

Потом мы спим и, покуда спим,
как повелел Господь,
то курева дых, то отчества дым
сливаются в нашу плоть...

* * *

Здравствуй, моя дорога
в крылышках и лесах:
листья в гостях у Бога,
птицы — в Его часах:
шепот и кукованье
облака и травы,
складное волхованье
месяца и молвы...

Там, где темно — сиянье:
там, где светло — волхвы...

* * *

...а потом вы уедете — сядете в поезд,
пролистнете окошко: поля, туман...
Только я вас представляю — обрежет повесть,
только я вас окликну — сверкнет роман...

Вы сойдете с поезда — в руки вязов,
долговязых фонтанов, шершавых плит...
И роман повторит вас нагой два раза,
а одетой — повесть вас повторит.

Я сложу из вас книжки, чтоб вас размножить,
и тогда вы сможете мучить тех,
кто внимает книжкам, порастревожив
древоточцев воинских библиотек,

а потом — за роман и в придачу повесть —
за разливы слов и палитру чувств,
я, конечно, чего-нибудь удостоюсь,
но не вас, а премию получу,

я попробую с премией той забыться —
перестану думать, куплю вина,
и, глядишь — путешествие, заграница,
то бишь Царства Небесного тишина...

Светлана КЕКОВА

Кекова Светлана Васильевна родилась в 1951 г. на Сахалине. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета. Доктор филологических наук. Автор более десяти книг стихотворений, литературоведческих книг и статей, посвященных творчеству Н. Заболоцкого, А. Тарковского, В. Ходасевича, В. Набокова, Ф. Достоевского, философов Ф. Степуна и С. Франка, поэтов-обэриутов и др. Стихи Кековой переведены на все европейские языки. Лауреат многих литературных премий. Член Союза российских писателей. Живет в Саратове.

* * *

Татьяне Кан

Хлеб горячий саратовской выпечки,
свет, летящий с небесных высот...
Ходит ангел под липами в Липецке
с длинным шлейфом сияющих нот.

Отломи же хрустящую корочку,
не томись непонятной виной —
пусть под липами в платьях с оборочкой
путешествует запах ржаной.

Льются звуки, как ливень лирический,—
вертикальное море судьбы, —
только хор замирает сферический
под архангельский голос трубы.

Что за дни нам для радости выпали!
Знаю я — где-то там, вдалеке,
ходит ангел под бедными липами
с остывающим хлебом в руке.

* * *

Не станешь ни овном, ни фавном.
Не скажешь — ты враг или друг.
Становится тайное явным,
свидетелей ширится круг.

И все, что с собою принес ты,
тебя обличает, пока

клянутся на Библии звезды,
туманы, дожди, облака.

Клянется пронзительный ветер,
и перед падением в ад
приходит последний свидетель —
любви исцеляющий взгляд.

* * *

Просыпается утром не тот человек, кто спал.
Тот, другой, летал над вершинами черных скал,
над волной морской, над улицей Тверской,
тот, другой, совладал со своей тоской.

У него — молодое имя, иная стать,
он могуч, как ангел, прекрасен и полон сил.
Засыпает ночью не тот, кто ложится спать,
умирает тихо не тот человек, кто жил.

Он теперь лежит, как в замерзшей земле зерно.
Я найти пытаюсь пропущенное звено
между этой жизнью и жизнью незримой той,
где сидят, обнявшись, разбойник, дитя, святой.

Я найти пытаюсь ту точку, где явь и сон,
словно жизнь и смерть, на минуту одну сошлись.
А когда найду — Благодать победит Закон
и пустая бездна, как небо, поманит ввысь.

Роман СЕНЧИН

Мои «Сибирские огни»

Сенчин Роман Валерьевич родился в 1971 г. в Кызыле. Окончил Литературный институт им. Горького. Прозаик, публицист, литературный критик. Произведения публиковались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Наш современник», «Сибирские огни» и др. Автор нескольких книг прозы, в том числе: «Минус», «Елтышевы», «Лед под ногами», «Зона затопления». Живет в Москве.

Какую роль сыграли «Сибирские огни» в вашей творческой судьбе?

Я родился и вырос в Сибири, и в нашей семье журнал «Сибирские огни» выписывали, хранили. Это был наш журнал, сибирский, с близкими сюжетами, персонажами, которые жили рядом... Я стал печататься в журнале в 2006 году по предложению тогдашнего сотрудника «Сибирских огней», отличного критика Владимира Яранцева. За эти десять лет (тоже юбилей, по крайней мере мой личный) были публикации рецензий, рассказа «Мелочи», очерка «Валерка», фрагмента романа «Зона затопления». В этом году в «Сибогнях» состоялся и мой драматургический дебют в толстом журнале...

Не лукавя, скажу, что публиковаться в сибирских изданиях я считаю за честь. Хотя и живу в Москве уже двадцать лет, но душой в Сибири. И во время встреч с читателями вижу, что и я, мои вещи многим близки и интересны, к ним другое отношение, чем к западу от Урала...

Что бы вы хотели пожелать читателям журнала и коллективу редакции?

Коллективу «Сибирских огней» желаю стойкости, больше талантливых авторов. Отлично, что журнал публикует писателей из разных регионов России. Нельзя заикливаться на своей области, своем округе. А свое лицо у журнала есть, есть и свой читатель. Но нужно стремиться, чтобы читателей было больше. Как это сделать — посоветовать, к сожалению, не могу.

Каковы ваши творческие планы на ближайшее будущее?

Пишу большую вещь — определить жанр пока не решаюсь, — где действие происходит в моей родной Туве, но в памяти человека, находящегося от нее далеко-далеко. Отчасти это автобиографическая вещь, но лишь отчасти... Кроме того, занимаюсь чтением книг и выражением своего мнения о них в виде рецензий. Как бы сами собой пишутся небольшие рассказы — сюжеты для них реальность предоставляет постоянно.

Владимир БЕРЯЗЕВ

Мои «Сибирские огни»

Берязев Владимир Алексеевич родился в 1959 г. в Кузбассе. Окончил Литературный институт им. Горького. Поэт, эссеист, переводчик. Автор поэтических сборников «Окоем», «Золотой кол», «Могила Великого Скифа», «Посланец», «Тобук», «Кочевник», романа в стихах «Могота» и др. Директор и главный редактор журнала «Сибирские огни» с 1999 по 2013 г. Живет в Новосибирске.

Какую роль сыграли «Сибирские огни» в вашей творческой судьбе?

Мое становление, моя литературная судьба в юные годы целиком и полностью связана с редакцией журнала «Сибирские огни», с людьми, непосредственно работавшими здесь или печатавшимися на его страницах. Прежде всего, конечно, это Александр Иванович Плитченко, замечательный поэт и переводчик, служивший ответственным секретарем еще в той знаменитой редакции на Красном проспекте в здании Совнархоза. Он меня во многом воспитал в смысле стихотворческой школы, он на первых порах оказывал дружескую и человеческую поддержку, благодаря ему в августовском номере 1982 года появилась моя огромная, из девяти стихотворений состоявшая подборка, что для первой публикации 23-летнего автора было почти невероятно. Именно Александр Иванович обеспечил благожелательное ко мне отношение и в редакции столь престижного всесоюзного издания, и в Новосибирском книжном издательстве, где вскоре после этой знаковой публикации у меня вышел первый сборник «Окоем».

Свою лепту в поддержку моих молодых дарований внесли также критик Виталий Георгиевич Коржев и поэтесса Нина Митрофановна Грехова, тоже накрепко связанные тогда с редакцией «Сибирских огней» и всячески меня этой редакции рекомендовавшие.

Поэтому, глядя сегодня на заботы редакции «Сибогней» о подрастающем литературном поколении, не могу не радоваться тому, что традиция сохраняется, поэтическая эстафета длится.

Что бы вы хотели пожелать читателям журнала и коллективу редакции?

Я отдал работе в редакции «Сибирских огней» — уже в иную, посткатастрофическую эпоху — 15 лет жизни, с 1999 по 2013 г. Это, вне всякого сомнения, были лучшие годы моей жизни. Мне очень отрадно наблюдать, что многое из сделанного в эти годы новому составу редакции удалось сохранить и приумножить, Бог вам в помощь, коллеги. Если же говорить о том, чего хочется пожелать, то, несомненно, среди нынешней поголовной погони за потреблением (вплоть до сферы искусства!) я от всего сердца желаю редакционному коллективу сохранить журнал именно в качестве светоча — избежать пошлости и не соскользнуть в провинциализм.

Каковы ваши творческие планы на ближайшее будущее?

Что касаемо моих личных забот и замыслов, то они во многом касаются хлеба настоящего. Кое-что еще иногда удастся сочинить, это и в смысле лирических опытов, и переводных текстов, и короткой эссеистики. Однако не без некоторой печали могу констатировать, что прежнего задора, увы, не наблюдается, что само по себе — вполне объяснимо. Занимаюсь прошлым — 22 поэмы плюс роман в стихах «Могота», частные послания, вагонные песни, два тома лирики, том прозы, переводы... Словом, на ближайšie пару лет у меня есть задел — хочу самостоятельно навести порядок в своем архиве, постараюсь по мере возможности выстроить, придать некий разумный вид оному, прости Господи, наследию. Набирается порядка пяти томов. А пригодится кому-либо и когда — это уже не мне судить...

ИХНИЕ НРАВЫ

днажды в редакции толстого литературного журнала «Огнирские Сиби» встретились древний мощный рунический поэт Сиберазев и юный тощий хтонический поэт Иезуититов. Сиберазев, по своему обыкновению, был весел и дурашлив, а Иезуититов — сумрачен и брезглив. Сиберазев, похрюкивая от восторга, хотел было облобызать расцветающее дарование, но Иезуититов лишь сардонически повел бровью.

Сиберазев, которому такое обращение было не в диковинку, решил зайти с другого фланга и без лишних предисловий продекламировал свой очередной эпос:

Хазары шли... а следом за хазарами
Шли тюрки и калмыки тоже шли —
Шли наводнять косматыми пожарами
Просторы русской матушки-земли.

О Русь моя!.. жена моя!.. до боли я
Вновь тщуся и жажду пережить с тобой
Нашествие страстей и своеволия,
Не давшее стать ханскою рабой...

Через три часа, по окончании эпоса, хтонический поэт Иезуититов сквозь очки, запотевшие от злости, посмотрел на Сиберазева и процедил:

— Ты б, Сиберазев, читал на досуге поболее Гомера и Феокрита, Лукреция Кара с Аквинским Фомою читал бы... Понял тогда бы аллюзий своих иллюзорность, да и ад-дикции кое-какие прозрел бы тогда непременно...

После чего Иезуититов вышел вон из помещения. Потом вернулся. Забрал сигареты. Вновь вышел. Вернулся, обнаружив, что забрал сигареты Сиберазева. Положил их на стол, забрал свои. Вышел. Вернулся. Забрал свой зонт. Постоял. И уронил реплику:

— Ты б, Сиберазев, не крал у Суркова метафор, он до тебя про косматый пожар написал много раньше... Да и не трогал бы блоковских жен, а Россию — тем паче. Ты, Сиберазев, как я посмотрю, плагиатор со стажем...

После чего Иезуититов демонстративно раскрыл зонт и эстетственно вышел.

Сиберазев некоторое время подождал, когда же Иезуититов вновь вернется. Честно говоря, Сиберазев очень хотел по-отечески отматерить юное дарование, но делать это в форточку ему не позволяло общественное положение.

...А Иезуититов так и не вернулся в тот день. И никто из остальных работников редакции — ни Квазеленский, ни Явранцев, ни Сельпопов, ни Охломов — так и не появились. Даже не пришли всегдашние слушатели Сиберазева — начинающие литераторы Вдыхайлов и Димарябов.

А жаль!

Ведь Сиберазев старательно отредактировал эпос, учтя замечания Иезуититова, и добавил еще кое-какие стилистические фигуры, продиктованные поправленным самолюбием и вновь всплывшимся вдохновением:

Хазары шли... а следом за хазарами
Шли тюрки, и атилы их вели —
Шли Русь сожечь лохматыми пожарами,
Но встала рать — и орды не прошли.

Страна моя!.. сестра моя!.. доколе я
Грущу с тобой и радуюсь с тобой —
Нашествие страстей и своеволия
Мне будет нашей общею судьбой...

...А потом неугомонный Сибирязев поехал домой, где за полчаса перед ужином написал 30 хлестких эпиграмм, каждая из которых жесткой рунической метлой напрочь выметала Иезуититова из сибирской поэзии.

После этого неугасимый Сибирязев плотно поужинал, выпил недорогой крымской мадеры и улегся спать, бормоча:

— Ышь, расцветающее дарование... да и никакое не расцветающее, а так... распустившееся! Я те... дам... Данте... и Сальери...

И Сибирязев заснул банальным сном праведника.

*Писано Дмитрием Рябовым и Станиславом Михайловым с натуры.
2005 г.*

Редакция журнала «Сибирские огни». Слева направо стоят: С. Г. Михайлов, В. Н. Яранцев, В. И. Титов, сидят: В. Н. Попов, В. М. Ломов, В. А. Берязев, М. Н. Акимова. Новосибирск, 2007 г.

Александр ПЛИТЧЕНКО

Плитченко Александр Иванович (1943–1997) родился в селе Чумакове Куйбышевского района Новосибирской области. Работал литературным редактором в новосибирских издательствах, был заведующим отделом прозы в журнале «Сибирские огни», ответственным секретарем журнала, возглавлял Новосибирскую писательскую организацию. Автор нескольких стихотворных книг, а также переложений алтайского и якутского эпосов, поэтических переводов с турецкого, алтайского, якутского, тувинского, бурятского, венгерского, польского, немецкого, монгольского языков.

Вышивание

Мама за неделю уставала
И к субботе старая была.
Мама в воскресенье вышивала,
Нитки разноцветные брала.

Радостные голуби взлетали,
Расцветали алые цветки,
Реченьки студёные плескали,
Падали кленовые мостки.

Сам я накормлю скотину вволю,
Прополю, полью весь огород,
Только пусть над чистым-чистым полем
Вышитое солнышко взойдет.

Мама вышивала, вышивала,
Молодая, добрая была.
И соседкам вышивки давала,
А сама соседских не брала.

Канавы

Канавы,
где спелые травы хрустят
под случайной ногою,
Где жук поселился в огромной
консервной цистерне,
Где белый окурок лежит,
словно маленький
боров,
Где перышко птицы
угрюмый несет муравьишка,
Где ржавый паук
оплетает цветущий репейник,
Где ищут собаки и кошки
целебную травку,

Где можно червей накопать
для рыбалки, на утро,
Где можно упрятаться так,
что никто не отыщет...
А мамы
Носы утирают сыночкам
И говорят им:
— Не вздумайте лазить в канаву.

* * *

Ой, как резали быка...
А пока не резали,
Два ножа,
Два мужика
Грелись в доме трезвые.
Ой, как резали быка...
А пока грелись,
Как ревел он в облака
И бодал
Рельс.
Ой, как резали быка...
А пока,
На случай,
Два ножа,
Два мужика
Думали — как лучше?
Ой, как резали быка...
А пока думали,
Были полными бока
И рога —
Дугами.
Как зарезали быка —
Снег теплее мака.
С полотенцем в руках
Заплакала мама.

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

Мои «Сибирские огни»

Прашкевич Геннадий Мартович родился в 1941 г. в с. Пировском Красноярского края. Прозаик, поэт, переводчик. Автор романов «Секретный дьяк», «Носорукий», «Теория прогресса», биографических книг (серия ЖЗЛ) о Жюлье Верне, Уэллсе, Брэдбери, Леме, Толкине, братьях Стругацких. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат многих отечественных и международных литературных премий. Живет в новосибирском Академгородке.

Какую роль сыграли «Сибирские огни» в вашей творческой судьбе?

«Сибирские огни» не были первым журналом, в котором я напечатался, зато первые мои серьезные вещи выходили именно здесь. Стихи, переводы из болгарской, польской, сербохорватской поэзии, повести «Носорукий» и «Огород, или Уроки географии». Анатолий Васильевич Никульков (при всей неровности своего характера) умел относиться к авторам с уважением и любил литературу. И не только любил, а прекрасно знал ее. К сожалению, последние лет пятнадцать я в «Огнях» не публиковался — категорически не соглашался с политикой, проводимой бывшим главным редактором. Но времена меняются, журнал обрел наконец новое дыхание. Много занимаясь историей литературы (в том числе сибирской и дальневосточной), я ставлю журнал «Сибирские огни» на совершенно особое место. Он не просто дает жизнь литературе регионов — он разрушает границы регионов и метрополии, если печатает вещи глубокие и талантливые, написанные в Сибири и сибиряками.

Что бы вы хотели пожелать читателям журнала и коллективу редакции?

Прежде всего смелости и широты. Литература определяется вовсе не тем, что отбирает для публикаций тот или иной редактор, а тем, что и как пишут писатели, так или иначе связанные с журналом. Уверен, новая редакция «Сибирских огней» в самое ближайшее время выведет его в ряд лучших российских журналов. Основания так считать — имеются.

Каковы ваши творческие планы на ближайшее будущее?

Заключил договор с серией ЖЗЛ на создание двух биографических книг об известных деятелях мировой политики и науки. Готовлю к изданию сборник повестей «Русский хор» (заглавная повесть, к моему удовольствию, только что напечатана в «Сибирских огнях»). Готовлю к переизданию в той же серии ЖЗЛ книгу «Братья Стругацкие». Размышляю над будущими лекциями, работаю над циклом философских эссе для журнала «Дружба народов». В декабре закончил повесть «Хромой пастух» (из сибирского исторического цикла). Впрочем, дело не в замыслах — их всегда много. Дело во времени и здоровье.

Наталья АХПАШЕВА

Мои «Сибирские огни»

Ахпашева Наталья Марковна родилась в 1960 г. в с. Аскиз, Хакасия. Окончила Абаканский филиал Красноярского политехнического института, Литературный институт им. А. М. Горького. Автор многочисленных журнальных публикаций и нескольких поэтических книг. Член Союза писателей России. Кандидат филологических наук. Заслуженный работник культуры Республики Хакасия. Работает в Хакасском государственном университете. Живет в Абакане.

Какую роль сыграли «Сибирские огни» в вашей творческой судьбе?

Журнал возник в моей жизни в конце 90-х. Точнее, это был № 3 за 1999 год. С тех пор публикуюсь в разных изданиях, но в «Сибирских огнях» — непременно, потому что для литературного мира, как сибирская поэтесса, я в первую очередь автор «Сибирских огней». Это не столько географический маркер, сколько верность определенным творческим принципам. Для меня же важно, что «Сибирские огни» считают меня «своей» — публикуют и приглашают на мероприятия. Очень была горда, когда меня объявили лауреатом премии журнала. Кроме того, с первой публикации прошло немало времени, и журнал стал многое для меня значить и в плане простых человеческих отношений... С юбилеем, мои дорогие!

Что бы вы хотели пожелать читателям журнала и коллективу редакции?

Чтобы мы и дальше существовали друг для друга. Формат, конечно, меняется на глазах. Хорошо, считаю, что в редакции понимают, насколько сейчас актуально присутствие в сети Интернет, онлайн-общение (это я вспоминаю недавнюю конференцию, проведенную по скайпу между редакцией «Сибирских огней» и библиотекой в Черногорске (Хакасия)). Так что желаю выполнения всех задумок. А еще — чтобы культурно-историческое значение журнала и важность его современной миссии в плане влияния на текущий литературный процесс осознавались на всех уровнях, начиная с самого высшего.

Каковы ваши творческие планы на ближайшее будущее?

Работаю над очередной книгой стихов. Правда, это не совсем работа. Пока это просто придумывание стихов и мысленная их дифференциация, выяснение, что с чем объединяется в циклы, какие темы требуют своего развития, и тому подобное.

СИБИРСКИЕ
ОГНИ

Владимир СВЕТЛОСАНОВ

Светлосанов Владимир Сергеевич родился в 1957 г. Окончил филологический факультет Новосибирского педагогического института. Работал преподавателем русского языка и литературы. Автор нескольких поэтических книг и ряда публикаций. Живет в Новосибирске.

* * *

Отпотело окно, отпотело,
Отлегло на душе, отлегло,
И забыла душа, что хотела,
Что хотела вздохнуть тяжело.

И у тела душа отпросилась,
Словно дочь у отца своего,
Отпросилась душа — и простилась,
И уже не вернется в него.

* * *

Мне приснился далекий город,
Корабельная сторона,
Старый бакен, что перевернут,
Продырявлен, навек отторгнут,
От родного отвязан дна.

Чуть покачивается лодка.
Стайка чаек на берегу
(Ах, не с птичьего ли полета
Я на это смотрю — и что-то
Силуюсь вспомнить — и не могу).

Порт внизу. Горизонт распорот.
А вон там, где ропщет волна, —
Я (не этот, а тот, что молод).
Мне приснился далекий город,
Корабельная сторона.

* * *

Эпохи вырожденья очевидец,
Развала современник поневоле,
Ты все еще мечтаешь, как Овидий,
Вернуться в Рим, взойти на Капитолий.

Но алчная волчица не готова
Тебя восстановить в правах гражданства.
Зашло в тупик ораторское слово.
На карте пост-латинского пространства

Ты видишь полустертые названия
(К примеру, «легендарный Севастополь»),
Стоически отмерив расстоянье
Тебе доступным яблом пятистопным.

Гнедич

После осложнения от гриппа
В Петербурге тихо умер Гнедич,
Как дикорастущее растение,
Умер без дворянской родословной,
Без детей, одетых кем-то наспех,
И без сводок о температуре,
Умер без друзей и без жандармов,
Без прощальных слов от государя
И без толп, стоящих на морозе,
Без конвоя конного у церкви,
Без судебных тяжб и разбирательств,
Умер сам себе без Бенкендорфа,
Без стихов ретивого корнета,
Без десертной ложечки морошки,
Умер вместе со своим Гомером.

* * *

Сегодня солнышко пастельно,
И для меня на облаках
Давно кроватка та постелена
С подушечкою в головах —
Чтоб мне там выспаться смертельно.

* * *

Солярным мифом Салехарда,
Тяжелым солнцем, темной
Ямало-ненецкой, полярной,
Горюче-смазочной, ночной
Очерчен круг непопулярный,
И всяк, кто за его чертой,
Согреться в будущем не тщится.

А нам, южанам, ночью вдруг
Сиянье северное снится,
Как им, гипербореям, юг.

«О, этот юг!» ...О, этот Диксон!
Щемящая тоска вокруг.

Новосибирск. Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.
Здесь я родился и, гляди-ка,
Живу уже давным-давно.

Мне все здесь близко и знакомо,
Особенно ж/д вокзал.
Литературе, впавшей в кому,
Здесь я любезность оказал...

Бывает, подскочу от крика
Средь ночи: нет — еще живу!
Новосибирск. Хоть имя дико.
Иные ж — дичь по существу.

Анатолий КИРИЛИН

Мои «Сибирские огни»

Кирилин Анатолий Владимирович родился в Барнауле в 1947 г. Автор двенадцати книг прозы и публицистики, изданных в Сибири и Москве. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Алтай» и др. Живет в Барнауле.

Какую роль сыграли «Сибирские огни» в вашей творческой судьбе?

Старик Яновский нас заметил...

Да, так и случилось. Первым литературным семинаром в моей жизни руководил приехавший к нам в Барнаул из Новосибирска Николай Николаевич Яновский. Было это в конце 70-х годов минувшего столетия. Удивительная школа литературоведения и литературной критики этого человека вошла в мою жизнь и служит до сей поры ориентиром и мерилем творчества. Сожалею, что истинных учеников и последователей Яновского нынче очень мало. Стоит ли напоминать, что Николай Яновский был завотделом поэзии журнала «Сибирские огни», а позднее, в 60—70-х годах, заместителем главного редактора. На мой взгляд, лучшие публикации журнала в жанре литведения и литкритики принадлежат именно Яновскому.

Затем была первая публикация в журнале — рассказ-очерк «Урок». В то время (конец 70-х — начало 80-х) шла активная борьба против строительства на реке Катунь гидроэлектростанции. Рассказ был на эту тему.

Далее все как в сказке. Никогда в жизни (не могу простить себе этого!) не встречался с Александром Плитченко. Первое знакомство (заочное) состоялось при чтении его авторского изложения «Маадай-Кары», эпоса алтайского народа. Меня потрясла глубина проникновения молодого человека в мир, от которого по рождению он был бесконечно далек! Потом были его замечательные стихи... Потом звонок от взволнованного Коли Шипилова:

— Разговаривал по телефону с Плитом (так они по-свойски называли Александра. — А. К.), сказал, что собираюсь в Барнаул. Он мне: там есть интересный прозаик... Я затаил дыхание и спрашиваю: кто? Он назвал твое имя, и я возликовал. Это же мой друг, я к нему и еду!

Это было немного позднее, а до того неведомый мне покровитель с фамилией Плитченко, работавший тогда в журнале, постоянно предлагал к напечатанию мои повести и рассказы. Через знакомство с ним и Шипиловым я узнал о знаменитой когорте писателей Новосибирска того времени — Иване Овчинникове, Нине Садур (с ней мы познакомились в Москве), Александре Денисенко... Большинство из них стали моими друзьями.

Потом уже случились личные знакомства с главными редакторами: Никульковым, Карпуниным, Зеленским... Помню трудные времена конца 80-х — начала 90-х, когда журнал выходил с перебоями, представляя собой маленькую книжечку. В такой книжечке, помню, выходила моя повесть «Посуху и по воде»...

Залегло в памяти начало новой жизни, когда после собрания Ассоциации сибирских писателей журнал обрел второе дыхание, стал выходить в полном формате и регулярно. И уж больше не прекращал свою полноценную жизнь.

Главный редактор журнала Владимир Берязев стал моим другом. Нас объединила любовь к Алтаю, к поэзии. Смею надеяться, что публикация моих работ не стала результатом только лишь этой дружбы. Так или иначе, с начала третьего тысячелетия журнал публикует меня постоянно.

Считал и считаю журнал «Сибирские огни» одним из крупных и значимых явлений в мире отечественной литературы, ни в чем не уступающим столичным и другим региональным изданиям. Он соответствует месту, названию, ареалу своего существования, он живет в традициях высокой национальной словесности, он чтит традиции, заложенные при основании его замечательными писателями.

И понятно из сказанного выше: в моей писательской судьбе «Сибирские огни» сыграли большую и важную роль.

Что бы вы хотели пожелать читателям журнала и коллективу редакции?

Читателям пожелаю того, что желают друг другу единомышленники и друзья. Иных вокруг журнала не представляю. Прежде всего здоровья и любви! С помощью этих нехитрых инструментов мир покорится вам! А работникам редакции, помимо того же самого, — молодости и азарта, чтобы продолжать жить и работать в заданном вами самими ритме.

Каковы ваши творческие планы на ближайшее будущее?

В работе сразу несколько вещей, оттого живу раздираемый во все стороны. Всегда знаю, о чем пишу, но никогда не могу рассказать этого. Читайте!

И не могу обойтись без заключения. Или эпилога, если так больше нравится. Хочу работать с вами, хочу, чтобы вы всегда помнили, что на нашей Западно-Сибирской низменности мы самые близкие соседи, хочу знать, что вы всегда боеспособны, любимы, счастливы!

Владимир БАШУНОВ

Башунов Владимир Мефодьевич (1946–2005) родился в пос. Знаменка Турочакского района Горно-Алтайской автономной области. Первое стихотворение опубликовано в 1963 г. в областной газете «Звезда Алтая» (Горно-Алтайск). В 1970 г. окончил филологический факультет БГПИ, учился на Высших литературных курсах. В 1994–1997 гг. главный редактор журнала «Алтай». Печатался в журналах и альманахах «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни» и др. Автор десяти поэтических сборников.

Из цикла «Последняя милость»

*

...повыбиты русские села
войною, бесправьем, нуждой.
Давно их сорвало с прикола,
несет равнодушной водой.

Пустынно в родительских гнездах,
где именем нас нарекли.
Давно расселились на звездах
кормильцы российской земли.

Душа высоко залетела,
за нею присмотрят,
а тело
лежит бесприютно в земле,
в Нарыме,
на Колыме.

Повыбиты села,
распяты,
почти что на нет сведены.
Никто не боится расплаты,
поскольку не слышит вины.

Никто ничего не боится.
Ничто ни о чем не болит.
Лишь воздух ночной шевелится,
когда в поселковой больнице
хрипит и во сне матерится
несдержанный инвалид...

*

...синим ли дымом прихватит поля,
лунным ли светом...
Все бы глядел, все бы шел наугад
в таинстве этом.

Дальнее эхо, словно журавль,
перелетает.

Столько в пространстве имен проросло —
все не хватает.

Чья это сила влечет меня и
не назовется?
Чья это сила — то ли родства?
то ли сиротства?

К лунному свету, к темным стогам,
в зыбь краснотала...
То ли сиротство, то ли родство
нас повязало?..

*

...где ты, сердобольная странница,
обходишь погосты любви,
калина,
там что еще станется?
Последнюю милость яви:

в суровые дни неминучие,
когда восцарит ледостав,
отеческие излучины
любовью своей не оставь.

Свети негасимой окалиной
мятущейся русской душе
в срединной земле и в окраинной,
где знали мы рай в шалаше.

Последнее украшение,
не сверстанное в рубли.
Я верю в одно утешение:
когда на Голгофу взошли,
то после нее — воскрешение!

И этой спасительной верою,
да поздней калиной,
да вербою
пасхальной — на самом краю,
за краем, — да светом особенным
во взоре, открытом и совестном, —
да чем еще? — жив и стою.

Радоница

Опустишься в сон, как в глубокую воду,
и там, в глубине,
пройдешь по любимому сердцем народу —
друзьям и родне.

По тем, с кем уже не увидишься въяве
ни нынче, ни впредь.
Ах, кто не мечтал не в болезни, а в славе
легко умереть.

Но что перед жизнью пустые мечтанья!
Как огненный смерч
приносит с собою испуг и страданье,
так ранняя смерть.

И я не хочу никакого загада —
не стоит гроша,

ведь муку чужого предсмертного взгляда
узнала душа.

И я не хочу, точно птица, попасться
в силки, как в беду.
И в день поминальный, девятый по Пасхе,
я вновь к ним приду.

И вновь я услышу, как дышат могилы,
пресилив тиски,
остатком еще не растроченной силы,
любви и тоски.

И вновь я увижу, как светел и тонок
небесный оклад.
И женщина плачет. И прячет ребенок
взрослеющий взгляд.

Михаил ТАРКОВСКИЙ

Мои «Сибирские огни»

Тарковский Михаил Александрович родился в 1958 г. Окончил Московский государственный педагогический институт. Повести и рассказы публиковались в журналах «Новый мир», «Юность», «Октябрь», «Наш современник» и др. Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» (2010). Живет в Красноярске.

Какую роль сыграли «Сибирские огни» в вашей творческой судьбе?

Для меня само словосочетание «Сибирские огни», наверное, с молодости вызывало в воображении целый мир — это и огни сибирскихстроек, и трудовая правда Сибири, и, конечно, образ классического корневого литературного журнала, напечатавшего «Любавиных» и «Я пришел дать вам волю» Шукшина и «Угрюм-реку» Шишкова, «Вечный зов» А. Иванова и «Хмель» Черкасова, «Кражу» Астафьева и «Деньги для Марии» Распутина. Образ этот грел душу, наставлял на путь и стоял, как старший брат, высоким каким-то тылом.

Что бы вы хотели пожелать читателям журнала и коллективу редакции?

В год юбилея желаю возвращения к подвижническому русскому литературному духу, способному объединить сибирские духовные пространства.

Каковы ваши творческие планы на ближайшее будущее?

Работаю над повестью как раз о сибирском писателе, который вполне мог бы сотрудничать с журналом «Сибирские огни» и как раз несет этот самый дух. Могу сказать, что работа каторжная.

Владимир ЯРЦЕВ

Ярцев Владимир Иванович родился в 1945 году в селе Пильно Алтайского края. Окончил историко-филологический факультет Новосибирского государственного педагогического института. Работал учителем истории в школе, корреспондентом, редактором в книжном издательстве. Автор книг стихотворений «Грустная память», «Над темной водой», «Ожидание в сумерках». Живет в Новосибирске.

* * *

Я, сотканный из множества влияний,
Всегда чурался щедрых подаваний,
Но искреннюю милостыню брал.

Я тем горжусь, что родовое древо
Мое кренится откровенно влево
И надо мной не прозвучит хорал.

Как всякий домовый и разночинец,
Я не терплю ломбардов и гостиниц.
Из всех родных — есть у меня сестра.

Есть младшая сестра. А это значит,
Не кто-нибудь, — она меня оплачет,
Когда повозку тронут со двора.

* * *

Беленые хаты, березы, белье
На длинных шнурах, голубое от синьки...
О, это летящее мимо жильё!
О, светлые эти сатины и ситцы!

Такое случается в долгом пути:
На тихом лесном полустанке
Вот так, беспричинно, захочешь сойти,
А поезд промчит без стоянки.

Стансы

Безмолвию я предпочту молчанье,
Прохладе горней — дольний холодок.
...Вас время оправдает, угличане,
Но мир не станет менее жесток.

Жизнь сузилась. Сквозь смотровую щель
Доступен лишь сегмент июльской воли,
Где первобытный освящает шмель
Не минное, но клеверное поле.

Далекие клубятся облака.
Их глубину зарница прорицает.
Дитя не спит. И матери рука
Звездой на лбу младенческом мерцает.

Ничем печали этой не унять.
Беззвучен миг прощания со Словом.
Да! — не забудьте плакальщиц нанять
В сиреневом, под цвет грозы, в лиловом...

* * *

Перед тем как уйти,
Запотевшие стекла протру —
Поутру ощути
Переменного света игру.

Выйди в страждущий сад
И к дичку невзначай прикоснись,
Как слепец, наугад, —
И смутится небесная высь.

Ближе к полдню, гляди,
Заморочена голубизна...
Тесно станет в груди.
Так бывает во все времена.

Древний, как мезозой,
Цепенеет над яблоней зной.
...Перед скорой грозой
Воздух плавится не надо мной.

Анатолий СОКОЛОВ

Соколов Анатолий Евгеньевич (1946–2010) родился в Новосибирске. Работал в геологических и геофизических экспедициях в Заполярье. Окончил филологический факультет Новосибирского педагогического института, был учителем русского языка и литературы. С 1974 г. преподавал философию в вузах. Кандидат философских наук. Печатается с начала 60-х гг. Автор книг «Спартакровский мост» (1990), «Крепость» (2001), «Невразумительные годы» (2004), «Материк» (2006), «Осенние птицы» (2010). Лауреат премии им. Гарина-Михайловского (2006).

* * *

Круша цветочные розетки,
Играет ливень в бильярд
И вздохи парочки в беседке
Оценивает в миллиард.

Должно быть, местный парикмахер
С буфетчицей забрел сюда,
Кусты похожи на монахинь,
Зажмурившихся от стыда.

И в паузе приставив ухо
К решетке, вымытой до швов,
Дождь слушает, но слышит... эхо
Давно разыгранных шаров.

* * *

В. Ярецву

Липы на задворках поликлиники
Жертвуют имущество на храм.
С веток светло-желтые полтинники
Сыплются на землю по утрам.
Рай зажжется к вечеру неоновый,
Вспухнет одиночества синдром.
Нет со мной Арины Родионовны,
Друга нет и кружки нет с вином.
Мне луна в окно глядит неласково,
Сон прельстил мечтой и был таков.
Языка обрывки тарабарского,

Мешанина стуков и звонков.
С химзавода облако зловония
Накрывает Кировский район,
Но какая чудная симфония
Зазвучала вдруг со всех сторон...
Над гусинобродскими оврагами,
Над военным в доску городком
Новобранец-снег идет зигзагами,
Словно выпил лишнего с дружкой.
Снег идет нежней и нерешительней,
Чем родные братья: дождь и град,
И следит за снегом горстка жителей,
Гордых, будто выиграла грант.

* * *

Без имени, отчества и языка
На голой земле постелив телогрейки,
Мы долго жевали бесплатный закат
И пили вино, словно древние греки.

От серого пламени спрятанных звезд
Закат над районом пышнее павлина,
Качался горбатый Спартакровский мост
Вчера за решеткой осеннего ливня.

В компании с другом, убитым тоской,
Как тяжело бродяге во мгле беспредельной
Выдерживать приступ болезни морской,
По мосту скользя, как доске корабельной...

И ночью с мешком голубей в голове,
В любую погоду всегда одинаков,
Дом грузчиков медленно плыл во главе
Растерзанной в клочья эскадры барачков.

Я шел между ними в тяжелом пальто
Туда, где окошко немеркнущей лампы
Годами терзало меня ни за что,
За то, что родился с душой косолапой...

Но есть, слава богу, находчивый друг,
Который, истратив последнюю спичку,
На миг освещает дорогу на юг
Для бедной души, превратившейся в птичку.

А утром от птиц набухает лазурь,
И воздух над городом пестр, как газета,
И тысячи птиц после комнатных бурь
Из окон летят во все стороны света.

* * *

Почитай мне из самого раннего,
Что-нибудь почитай Мандельштама.
В небесах от летящего лайнера
Остаются на память два шрама.
Вдаль плывут облака неуклюжие,
И уста повторяют: «разлука»...
У искусства простое оружие:
Звуки образа, образы звука...

Павел ПОНОМАРЕВ

Мои «Сибирские огни»

Пономарев Павел родился в 1984 г. в Рубцовске. Окончил филологический факультет Алтайской государственной педагогической академии. Преподает словесность в Алтайском краевом колледже культуры. Живет в Барнауле.

Какую роль сыграли «Сибирские огни» в вашей творческой судьбе?

Живя в Барнауле и начав понемногу писать прозу, я стал присматриваться к сибирским литературным журналам. Робел, разумеется, как начинающий прозаик, — опубликуют ли? И своего рода заветной мечтой было желание опубликоваться в старейшем сибирском издании «Сибирские огни», где в свое время печатались В. М. Шукшин, В. П. Астафьев, В. Г. Распутин. Мечта сбылась. В 2016 году в журнале напечатана одна моя небольшая повесть и рассказ. Очень благодарен за это редакции журнала.

Что бы вы хотели пожелать читателям журнала и коллективу редакции?

Хотел бы пожелать не терять нынешней «пассионарности» и бесспорного, на мой взгляд, статуса литературного центра Сибири, притягивающего новые литературные имена. С огромной благодарностью и теплотой вспоминаю прошлогоднее Региональное совещание сибирских авторов в Новополисово. Было здорово!

Каковы ваши творческие планы на ближайшее будущее?

Сейчас в основном старое редактирую (для издательского конкурса). Ну и рассказ один в работе.

Михаил ВИШНЯКОВ

Вишняков Михаил Евсеевич (1945–2008) родился в селе Сухайтуй Читинской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал журналистом в газетах Забайкалья, на читинском телевидении, был пресс-секретарем главы администрации Читинской области, редактором газеты «Чита литературная». Автор поэтических сборников «Славяне», «Багульник на северном склоне», «Кедровый посох», «Сибирская муза» и многих других.

* * *

Смерть не обязанность, а привилегия.
Зная о будущем все наперед,
тихо отъехать в саях, на телеге ли
в русскую вечность, где лучший народ.

Там все друзья мои верные, смелые,
поле не брошено, цвет не измят,
только березы небесные белые
вдоль бездорожья шумят и шумят.

Ветер бушующий, снег пролетающий,
бор, начинающий мощно гудеть,
здесь на ликующих, праздно болтающих,
очи закрыв, можно кротко глядеть.

Русь изначальная — Русь бесконечная.
Смысл не потерян во имя чего —
ночью свеча над дорогой засвечена, —
явь восходящая сна моего.

* * *

В мае березы, взрослея, белеют.
Кони и люди, старея, болеют.
Луг от жарков, как жаровня, горит.
Бабушка, неслуху, мне говорит:

— Кони и люди устали батрачить.
Рыбы под осень не любят рыбачить.
Эхо запрячет в лесу голоса.
Коротка летняя Божья краса.

Неслуху, мне не понять эти речи.
Утром березы белеют у речки.
Вещий жулан над калиткой поет,
Мне или бабушке знак подает.

* * *

Ни моря, ни тучки жемчужной.
Чита. Лай тюремных собак.
В их мозг натекает от стужи
Тяжелый арктический мрак.

Грызутся, заходятся воем,
Цепями гремят на бегу.
Как будто конвой за конвоем
Уводят в ночную тайгу.

Оклад православной иконы
Настужен оконным ледком.
Георгий с копьем — все же конный.
Христос — все пешком да пешком.

Бредет, страстотерпец, шагает
Народной беды инвалид.
И снег под босыми ногами
Не тает — шипит и горит.

* * *

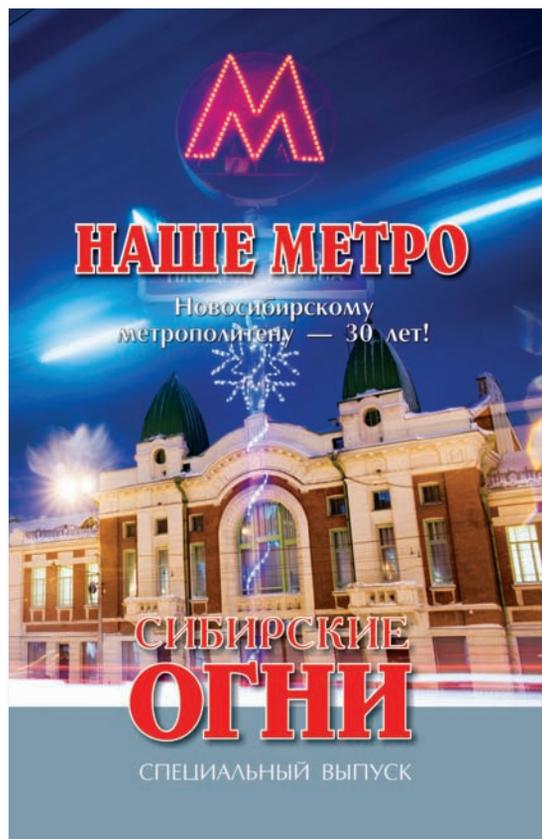
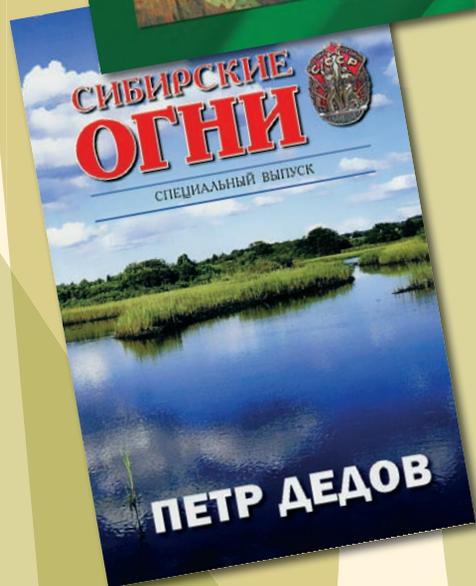
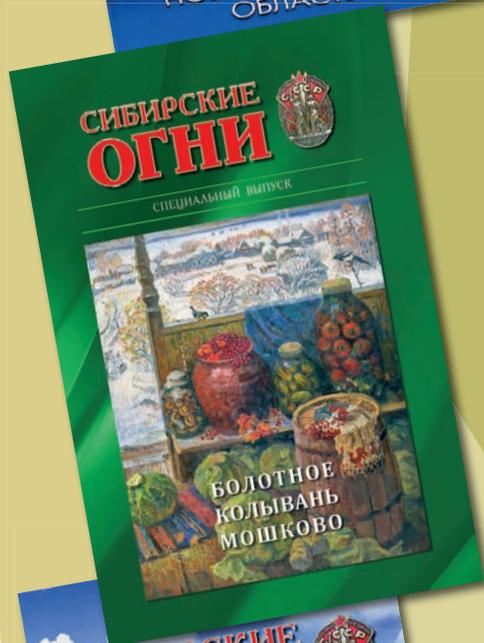
Елене Сластиной

Голубику посыпали сахаром —
голубую, — как первый мороз, —
стол накрыли, уселись и ахнули:
надо ж так разгостились всерьез,

и забыли, что в баньке протопленной
млеет пар, что с утра налегке
у тропинки, дождями протоптанной,
ждет туман с полотенцем в руке;

что в студеной воде омовения
отразится таинственный вид,
и, вздохнув под березовым веником,
жар уймется, душа отболит.

Здравствуй, русская жизнь незабываемая!
Чаша синих небес и земля,
где укроется, настезь открытая,
беспощадная старость моя!

Специальные выпуски «Сибирских огней»

Журнал «Сибирские огни», помимо основных 12 номеров в год, издает и специальные выпуски. Например, в 2015–2016 гг. таковые были посвящены Новосибирскому метрополитену и писателю Петру Дедову, а в рамках проекта «Слово моей Родины» при активной поддержке депутатов Законодательного собрания НСО А. С. Аксёненко и В. П. Ильенко вышел в свет спецвыпуск «Сибирские огни. Болотное, Колывань, Мошково».

Встреча с читателями в библиотеке поселка Сибирские Огни (Алтайский край). Слева сидят: Анатолий Кирилин, Дмитрий Рябов, выступает Михаил Косарев. 2016 г.

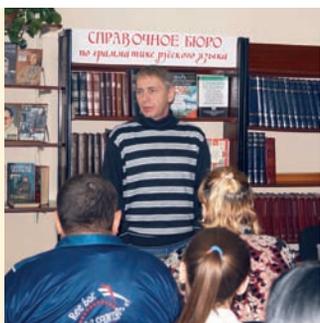
Отборочный тур Всероссийского поэтического слэма. Ведущий слэма Андрей Родионов (справа) и поэт Юрий Татаренко. 2016 г.

Встречи с читателями

В рамках акций «Писательский десант» и «Поезд "За духовное возрождение России"» в 2015–2016 гг. коллектив «Сибирских огней» провел встречи с читателями, библиотекарями и творческими людьми в 28 районах Новосибирской области, а также в поселках Павловск и Сибирские Огни (Алтайский край), в Абакане (Хакасия), в Кемерове и Ленинске-Кузнецком. Кроме того, журналом были проведены отборочные туры Всероссийского поэтического слэма.

фотографии Кристины Кармалиты

Встреча с читателями в Центральной библиотеке р. п. Маслянино (Новосибирская область). Выступает Дмитрий Рябов. 2016 г.

Выступления читателей на встрече в библиотеке с. Убинское (Новосибирская область). 2016 г.

Встреча с читателями в Центральной библиотеке с. Баган (Новосибирская область).
Выступает Павел Куравский. 2016 г.

Поселок Сибирские Огни, 2016 г.

Встреча с читателями в библиотеке поселка
Сибирские Огни (Алтайский край).
Слева направо: Кристина Кармалита,
Ирина Куртмазова, Михаил Щукин, Анатолий Кирилин.
2016 г.

Участники поэтических чтений
«Кольчугинская осень».
Ленинск-Кузнецкий, 2016 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ОГНИ»

«Сибирские огни» вот уже дважды (по итогам 2015 и 2016 гг.) при деятельной поддержке бизнес-группы «NORDАЗИЯ», МУП «Новосибирский метрополитен», депутата городского Совета депутатов г. Новосибирска И. В. Кудина, Министерства культуры НСО и Правительства НСО вручили литературные премии авторам лучших произведений, опубликованных на страницах журнала в течение года. Мероприятия проходили в театральном зале Новосибирского художественного музея.

Премия журнала «Сибирские огни» – 2015

Юрий Чернов
(Новосибирск) –
лауреат
в номинации
«Критика
и публицистика»

Наталья Ахпашева (Абакан) –
лауреат в номинации «Поэзия»

Владимир Светлосанов (Новосибирск) –
лауреат в номинации «Поэзия»

Игорь Канцев (Новосибирск) –
лауреат в номинации «Критика и публицистика»

Виктория Бурбилова (Каргат) –
лауреат в номинации «Дебют года»

Губернатор Новосибирской области В. Ф. Городецкий (справа) и министр культуры Новосибирской области И. Н. Решетников на вручении премии

Фотографии Кристины Кармалиты

Геннадий Прашкевич (Новосибирск) – лауреат в номинации «Проза»

Премия журнала «Сибирские огни» – 2016

Владимир Костин (Томск) – лауреат в номинации «Критика и публицистика»

Павел Пономарев (Барнаул) – лауреат в номинации «Новые имена»

Дмитрий Мурзин (Кемерово) – лауреат в номинации «Поэзия»

Ирина Махнанова (Омск) – лауреат в номинации «Наследство»

Александр Лаптев (Иркутск) – лауреат в номинации «Проза»

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОВЕЩАНИЕ СИБИРСКИХ АВТОРОВ

В августе 2016 г. редакция журнала «Сибирские огни» совместно с Новосибирским отделением Союза писателей России при поддержке Министерства культуры НСО, администрации Ордынского района и бизнес-группы «NORDАЗИЯ» организовала Региональное совещание сибирских авторов, проходившее на базе «Сундучок» близ с. Новопичугова Ордынского района. Совещание возродило старую традицию выездных семинаров писателей Сибири: приехало более 30 литераторов, а работу с молодыми авторами проводили Сергей Донбай (член высшего творческого совета и приемной коллегии СП РФ, главный редактор журнала «Огни Кузбасса»), Василий Дворцов (секретарь правления СП РФ, член высшего творческого совета СП СГ Россия – Беларусь), Владимир Берязев (поэт, лауреат премии им. А. Дельвига), Анатолий Кирилин (секретарь правления СП РФ, руководитель Общественной Алтайской краевой писательской организации), Анатолий Шалин (секретарь правления СП РФ, председатель правления Новосибирского отделения СП РФ, главный редактор журнала «Новосибирск»), Анатолий Байбородин (прозаик, лауреат «Большой литературной премии России» и премии им. А. Дельвига) и Михаил Щукин (секретарь правления СП РФ, главный редактор журнала «Сибирские огни»). По итогам совещания 11 человек были приняты в Союз писателей России и шесть человек рекомендованы к приему местным отделениям.

Фотографии Кристины Кармалиты

Руководители семинара поэзии Сергей Донбай, Василий Дворцов, Владимир Берязев

Семинар прозы. Рабочий момент

Руководители семинара прозы Анатолий Кирилин, Михаил Щукин, Анатолий Шалин

Участники совещания у поклонного креста на месте Ирменской битвы близ с. Новопичугова

Вечерний поэтический слэм

Открытие совещания. ДК с. Новопичугова. Слева направо: министр культуры НСО Игорь Решетников, заместитель главы Ордынского района Евгений Бабилов и Дмитрий Андреев, председатель совета директоров бизнес-группы «NORDАЗИЯ»

Семинар поэзии. Рабочий момент

Один из руководителей семинара прозы Анатолий Байбородин

Александр ДЕНИСЕНКО

Мои «Сибирские огни»

Денисенко Александр Иванович родился в 1947 г. в селе Моткове Мошковского района Новосибирской области. Учился в Новосибирском педагогическом институте. Работал редактором на телевидении, журналистом в новосибирских газетах, в издательстве «Мангазея». Поэт. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Сибирская горница», «Литературная учеба» и др. Автор книг «Аминь» (1990), «Пепел» (2000), изданных в Новосибирске. Член Союза писателей России. Живет в Новосибирске.

* * *

Всякий раз, когда вечернею порою возвращаешься из странствий, — невольно приливаешь к вагонному окну или к иллюминатору, отыскивая соскучившимися глазами дрожащие приветные огни родного города... Бессонные огни роддомов, больниц, операционных, диспетчерских, вокзалов, причалов, аэропортов... Синий кабель Оби, трудовые огни ОбьГЭС, путеводные гирлянды Коммунального моста, освещающие, словно вольтова дуга памяти, то место, откуда начинался наш город и где зажглись почти столетие назад «Сибирские огни»...

История ничего не забывает. Не забывает она и тех, кто являлся ее живыми самовидцами, свидетелями, летописцами в «Сибогнях», — и это своего рода «повесть временных лет» во славу нашей милой малой родины, во славу Сибири. Мы прошли через муки революционных и социальных потрясений, но, несмотря на это, сохранили любовь к великой России, и это осталось главной чертой сибиряка — предприимчивого, жизнестойкого, работающего человека с неутолимой жаждой деятельности, неистребимой любознательностью, тягой к творчеству, к родному слову, которому нет равных в мире по его послушности, пластичности, гибкости, неисчерпаемости и выразительности, к его очищающему и исцеляющему огню.

Да и в самих этих словах: «огонь», «огни» — есть особый живой магнетизм, притягательность, притяжение, ведь мы всегда тянемся к теплоте и светлоте, как к свету и теплоте материнских глаз. Так и хочется, чтобы в журнале были такие же согревающие, огнелюбивые рубрики. И чтобы это было не только для Новосибирска, но и для всего созвездия сибирских городов, где живут наши братья по поэтическому разуму, и чтобы это работало так же мощно и артельно, как в превосходной антологии «Поэты “Сибирских огней”», изданной под редакцией В. И. Ярцева к 90-летию журнала.

Сам я на счастливом повороте судьбы был впервые напечатан в «Сибирских огнях» в 1989 году, в седьмом номере — и это правда было счастье, потому что там был прекрасный материал «Душа болит...» к 60-летию В. М. Шукшина и потому еще, что мои стихи стояли рядом со стихами моих товарищей по жизни и поэзии: Ивана Овчинникова, Анатолия Соколова, Владимира Ярцева с коротким пронзительным предисловием Александра Плитченко — его мы и считаем нашим крестником.

Читая страницы современной литературы в «Сибирских огнях», я вижу, что на смену обличительным, задыхающимся в укоризнах стихам и прозе — пришли вещи, утоляющие наши печали и скорби, пришли новые по своему духовному огню произведения с возвышенным отношением к отечественной истории, к пантеону русской славы и доблести, к нашей многострадальной, но благословенной Сибири, к России. И поэтому — на правах давнего почитателя журнала — желаю коллективу редакции духовного огня, творческого горения, сердечного жара и много-много верных друзей-читателей — огнелюбов российской словесности.

Поезд «За духовное возрождение России». Октябрь 2016 г.

СВЕТИТЬ ЯРЧЕ И ЯРЧЕ!

22 марта 2017 г. на платформе станции метро «Площадь им. Н. Г. Гарина-Михайловского» в поезде-музее «Новониколаевск – Новосибирск» состоялась презентация новой экспозиции «Светить ярче и ярче!», посвященной 95-летию журнала «Сибирские огни».

В экспозиции были представлены фотографии, документы, уникальные автографы и воспоминания авторов журнала. По окончании презентации поезд-музей вместе с участниками мероприятия отправился на линию для перевозки пассажиров. Проект социального партнерства «Поезд-музей» Новосибирского областного фонда сохранения и развития русского языка «Родное слово» реализуется при поддержке Министерства региональной политики НСО и мэрии г. Новосибирска. Автор и руководитель проекта – Л. А. Монахова, директор фонда «Родное слово».

В подготовке экспозиции принимали участие редакция журнала «Сибирские огни», Городской Центр истории Новосибирской книги, Новосибирский государственный краеведческий музей.

фотографии Кристины Кармалиты

Первая экскурсия

Открытие экспозиции

М. Н. Щукин, главный редактор журнала «Сибирские огни»

И. Н. Решетников, министр культуры НСО

Н. И. Левченко, директор Городского Центра истории Новосибирской книги

А. В. Терешкова, начальник департамента культуры, спорта и молодежной политики мэрии г. Новосибирска

Л. А. Монахова, директор фонда «Родное слово»

**Редакция журнала «Сибирские огни» выражает искреннюю
благодарность за помощь в подготовке специального выпуска:**

- Министерству культуры Новосибирской области и лично Игорю Николаевичу Решетникову, Ольге Олеговне Ковальчук;
- Городскому Центру истории Новосибирской книги и лично Наталье Ивановне Левченко;
- Новосибирской государственной областной научной библиотеке и лично Светлане Антоновне Тарасовой, Ольге Дмитриевне Владимирской;
- Новосибирскому государственному краеведческому музею и лично Андрею Валерьевичу Шаповалову;
- Дому документального кино музея города Новосибирска и лично Элле Хамзиничне Давлетшиной;
- Отдельная благодарность Кристине Кармалите – за фотосъемку и преданность «Сибирским огням».

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области
Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати. Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:
630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19,
тел.: **(383) 223-10-15**, E-mail: **sibogni@sibogni.ru**
Сайт: **сибирскиеогни.рф**

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104
<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 13.03.2017 г. Дата выхода в свет 20.04.2017 г.
Формат 70x100/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.